

Древние изваяния Минусинских степей.

М.П Грязнов, Е.Р. Шнейдер

[Введение.]

Минусинский край 1 [1] с давних пор приобрёл славу природного палеоэтнологического музея. Нет, кажется, такого пункта в его пределах, откуда не было бы видно памятников древности. Дюнные стоянки, древние начертания на скалах красной краской, резьбой и выбивкой, оросительные каналы, следы разработок рождений меди, следы обработки металла — шлаки, крепости или, так называемые, городища и, наконец, десятки тысяч случайных находок — все говорит об интенсивной жизни, о богатых своеобразных культурах, процветавших здесь много веков тому назад.

М.П Грязнов, Е.Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. // Материалы по этнографии. Том IV, вып. 2. Л.: 1929. Среди этих многочисленных памятников древности обращают на себя внимание одиноко стоящие в степи или составляющие часть погребального сооружения изваяния, известные в литературе под именем «каменных баб». Это название, первоначально применявшееся к женским статуям южной России, затем перешло и к сибирским памятникам, хотя последние, в подавляющем большинстве случаев, не имеют ничего общего с фигурой женщины. Особенно странно слышать, когда типичная для киргизских степей фигура мужчины с усами, вооружённая мечом, называется «каменной бабой». Турецкие племена Минусинского края более индивидуализировали эти изваяния, называя их кыс-таш, кижитас, карадуш-тас, куртуяк-тас и проч., что в переводе на русский язык значит: девица-камень, мужчина-камень, богатырь-камень, старуха-камень и т.д. Среди этих памятников встречается фигура человека во весь рост, но чаще всего изображение только одного лица. Пол большинства изваяний не определим, только в нескольких случаях можно с большей или меньшей уверенностью сказать — женщину или мужчину изображает данный памятник. Исходя из изложенных соображений, мы будем называть эти памятники не «бабами», а каменными изваяниями 2. [2]

Материалом для памятников служили плиты красного девонского песчаника, повсюду встречающегося в Минусинских степях, и различные кристаллические породы.

Район распространения каменных изваяний очень мал (см. карту в конце статьи). Он укладывается в фигуру треугольника, основание которого лежит на линии ул. Бар-баков — Усть-Есь, отдалённых друг от друга на 200-250 километров, вершина же упирается в с. Кавказское на р. Тубе, отстоящее от обоих предыдущих пунктов на 150-200 километров. Нужно заметить, что распределение изваяний далеко не равномерно в пределах указанных границ.

Все посещавшие Минусинский край исследователи считали Аскызский район «классическим местом нахождения каменных баб», однако, теперь таковым нужно было бы считать окрестности улуса Чаркова на р. Уйбат, где расположено 15 изваяний. Следующий по богатству Аскызо-Есинский район (11 изваяний). Далее следуют: окрестности ул. Тазьмина (9 изв.), речка Ташеба (7 изв.), Усть-Биря (6 изв.), вершина р. Биджи (5 изв.), р. Чёрный Юс (4 изв.), устье р. Тубы (4 изв.), окрестности с. Сенявино (4 изв.) и, наконец, около 20 изваяний разбросано в разных местах.

Основным материалом настоящего очерка послужили наблюдения, произведённые нами при поездках в Минусинский край в качестве сотрудников этнологической экспедиции С.А. Теплоухова. При исследованиях Минусинских степей нами осмотрено и зарисовано на местах 29 древних изваяний 1. [3] Кроме того сделано 16 рисунков с памятников, хранящихся в музеях (9 в Минусинском, 2 в Томском, 2 в Красноярском, 1 в Барнаульском, 2 в Русском Музее), и 13 воспроизведений с фотографий А.В. Адрианова, И.П. Кузнецова и Н.В. Фёдорова, хранящихся частью в Томском Университете, частью в Минусинском Государственном Мартьяновском Музее 2. [4] Наконец, 11 рис. взяты из литературных источников (см. пояснение к таблицам и библиограф. указат. в конце статьи).

Вся масса каменных изваяний Минусинских степей (около 100 экз.) по своим стилистическим особенностям и этнической принадлежности не является однородной. Можно наметить, по крайней мере, две резко различных группы. Одна (более многочисленная) включает памятники, встречающиеся только в пределах края, другая (очень незначительная) принадлежит к типам, характерным для других областей.

Основной тип изваяний.

Среди типичных для края изваяний не встречается целой человеческой фигуры. Известно всего лишь несколько памятников, на которых изваяны женские груди (рис. 11, 14, 17, 30 или в тексте рис. 8), и только один памятник с изображением рук (рис. 17), обычно же выполняется только одно лицо, с дополнениями символического характера.

Наиболее часто встречающаяся форма памятника саблевидная или приближающаяся к ней (рис. 32 или в тексте рис. 1). В этом случае лицо помещается на узком ребре, в нижней половине плиты. Часто встречаются памятники в виде овального столба или огромной сигары (рис. 4 или в тексте рис. 7 и 38), с лицом, находящимся также в нижней половине или в середине. Если для памятника употреблена плоская плита, и её верх закруглён, то лицо расположено на широкой грани вверху или в центре плиты (рис. 46 и 55).

Рис. 1. Изваяние из красного песчаника на р. Биря близ Тазмина улуса.

Рис. 2. Изваяние из гранита. Минусинский край (Фот. Минусинск. Мартъяновского Музея).

Рис. 3. Изваяние из гранита на р. Биря, близ Тазмина улуса. (Фот. Минусинского Мартъяновского Музея).

Во всех этих случаях камню нарочито придавалась определённая форма, в чём легко можно убедиться, внимательно осматривая каждое изваяние и наблюдая постоянное повторение этих 3-х основных форм.

Несколько памятников носят индивидуальную форму, таковы: рис. 16, 22, 39 и 50. Производилась ли и здесь обработка всей поверхности камня, сказать трудно.

Лицо изображается различно. Если оно располагается на плоскости, то все черты и орнаментальные дополнения исполняются желобчатой врезанной линией, т.е. по существу получается линейная графика (рис. 54 или в тексте рис. 3, 55 и др.).

Если лицо располагается на узком ребре, то оно представляет собой слегка выпуклую овальную поверхность, на которой желобком и углублениями намечены черты лица (рис. 1, 2 и пр.). В некоторых случаях эта выпуклая поверхность приобретает рельефное изображение носа, глаз и проч., не теряя, однако, орнаментальных дополнений, исполненных врезанной линией, например, рис. 4 или в тексте рис. 7 и 11. Только два памятника (рис. 32 или в тексте рис. 1 и 36) дают чистую скульптурную маску, правда, ещё не освободившуюся от плоскостного характера и довольно условную 1. [5]

Интересную разновидность минусинских изваяний представляют собой памятники с двумя (рис. 39, 41-45 или в тексте рис. 4) или с тремя изображениями (рис. 40) на одном камне. Впрочем, последний единственный в своём роде, и в то время, как у двуликих стилизованное лицо является нижним, у этого последнего оно помещается в середине.

Верхнее изображение в 5 случаях представляет человеческое лицо, а в двух — голову барана и в одном случае какое-то неизвестное животное. И те и другие лишены орнаментальных дополнений 2. [6]

Мы позволим себе подробнее остановиться на особенностях орнаментации лиц минусинских изваяний, рассмотрев каждое в отдельности.

Одной из характерных черт является горизонтальная линия, пересекающая нос. Таковы, например, рис. 1 и 2, с выдающимся плоским лицом, на котором желобком обозначены кружки глаз и продолговатыми углублениями рот. Аналогичен им и рис. 6, с той разницей, что здесь глаза изображены ямками и тем же способом ноздри. Возможно, что ноздри были и у рис. 1 и 2, но стёрлись.

Подобные изваяния дают некоторые вариации, например, рис. 8 или в тексте рис. 5, где над глазами проведена ещё дополнительная дуговидная линия, опирающаяся на горизонтальную черту. Эта особенность больше нигде не встречается. Далее, лицо усложняется появлением, как мы условно назовём, «третьего глаза» в центре лба и волнистой вертикальной линии, идущей от середины головы вверх по узкой грани камня (рис. 3 и 5).

Эти фигуры ещё более усложнены отростками, идущими вверх, или почти непосредственно от глаз или от линии лба. На рис. 3 очень неясны горизонтальная черта и крайние отростки, что объясняется плохой сохранностью памятника. Фигура 10 также плохо сохранилась, однако, здесь можно заметить новые боковые отростки и характерную фигуру в виде 2-х концентрических кругов с 4-мя уголками.

Более развитой памятник представлен на рис. 11, где черты лица слегка моделированы. На нем изваяны даже груди, а вертикальная орнаментация приобретает особую сложность 1. [7] Изваяние 16 очень просто, однако оно несколько отличается от рассмотренных вначале (рис.

2, 3, 4) прежде всего общей глыбообразной формой камня, а затем присутствием на лбу «четвёртого дополнительного глаза». Относительно глаз, находящихся под горизонтальной чертой, можно сомневаться, присутствуют ли они на самом деле. Дело в том, что поверхность камня очень выветрена, и некоторые черты устанавливаются с большим трудом. Возможно, что отмечая нижние глаза, мы были введены в заблуждение случайными изъемами камня.

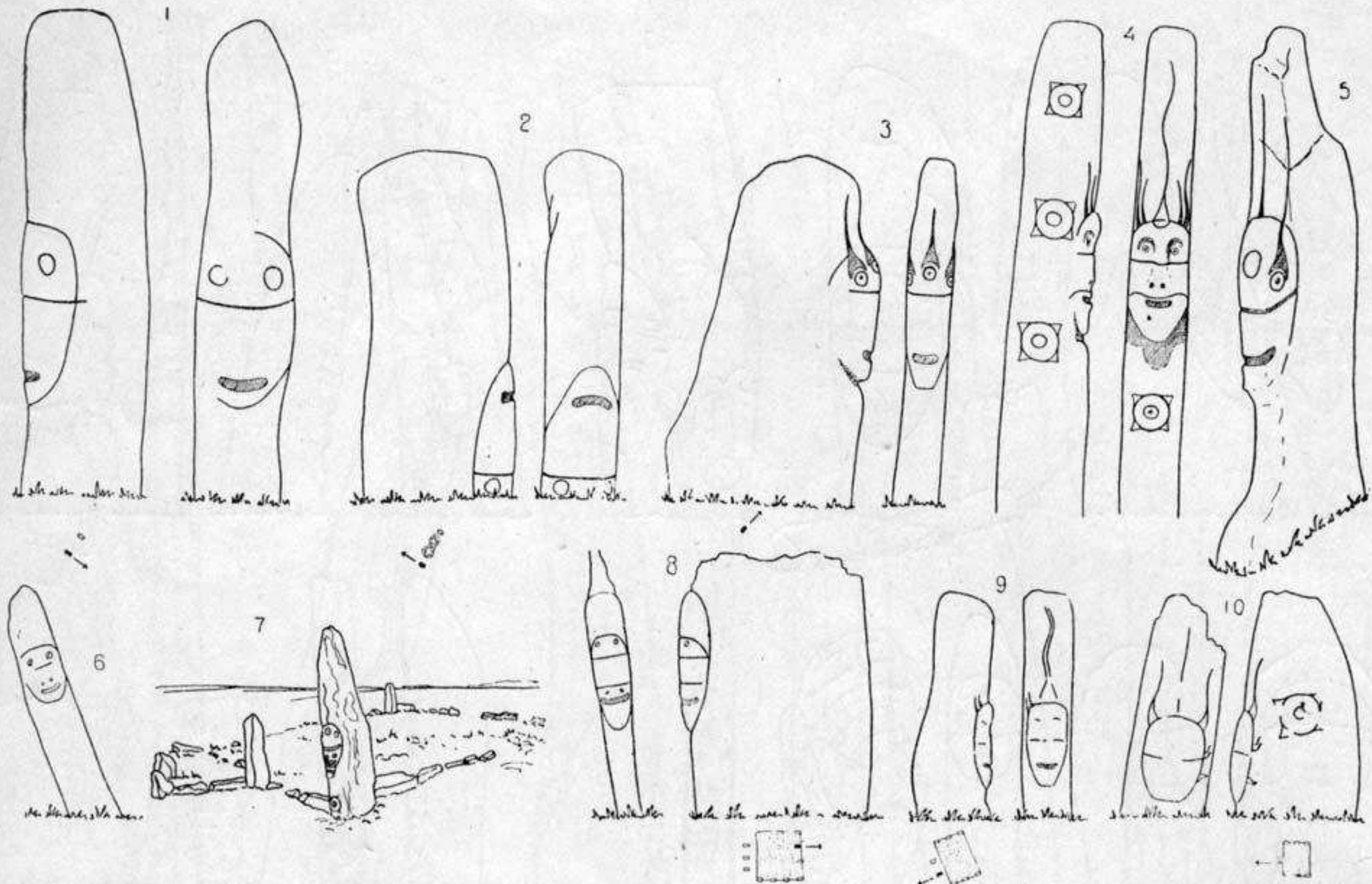
Фас изваяния 17 обычного типа с выдающимся плоским лицом, ямками глаз, ноздрей и рта и поперечной линией, пересекающей нос. Ниже видны выпуклости груди (одна сбита) и продолговатая ямка, возможно, изображающая женский половой орган, подробность более нигде не встреченная. Профиль этого памятника совсем необычен. На голове вырезано шесть параллельных друг другу изогнутых линий, напоминающих по своему положению косы девушки 2, [8] а ниже той же техникой изображены согнутые в локте руки с растопыренными пальцами.

Несмотря на всю необычность изваяния, его нельзя исключить из числа типичных минусинских из-за присутствия таких характерных черт, как трактовка лица и общая форма.

Интересно отметить, что этот памятник находится на том же кургане, что и изваяние 20.

Рис. 18 начинается собой ряд памятников, отличающихся от всех предыдущих присутствием не одной, а двух горизонтальных черт. Одна из них, пересекающая нос, нам уже знакома, другая проходит между носом и ртом.

Этой же особенностью отличаются и рис. 4, 12, 14, 21 и 22. Последний интересен законченностью своей обработки и прекрасной сохранностью. Здесь совершенно ясно видно намерение художника дать рельефную маску. Любопытны глаза, изображенные в виде двух полушарий, и уши в виде концентрических кружков. Последняя особенность является единственной среди минусинских изваяний. Рис. 13 воспроизводится нами по рисунку, приведенному у Аспелина. К сожалению, здесь приходится сомневаться в его точности. Очень смущают слишком реально изображенный нос, морщины лба и губы. Парные линии, нанесенные на щеке, вероятно, представляют собой остатки горизонтальных черт, пересекавших лицо (его можно сравнить с лицом рис. 32).

Т а б л и ц а I¹.

Рис. 1. Левый берег реки Бирь, против улуса Тазмина. Гранит.

Рис. 2. Находится там же. Гранит.

Рис. 3. Находится там же. Красный песчаник. Разбита пополам.

Рис. 4. (См. также в тексте рис. 7). В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова на р. Уйбат. Гранит. Лежит на земле. См. 12, рис. 7; 21, Табл. XV, рис. 3; 38, табл. VIII, рис. XIV — 2.

Рис. 5. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Песчаник. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Университете.

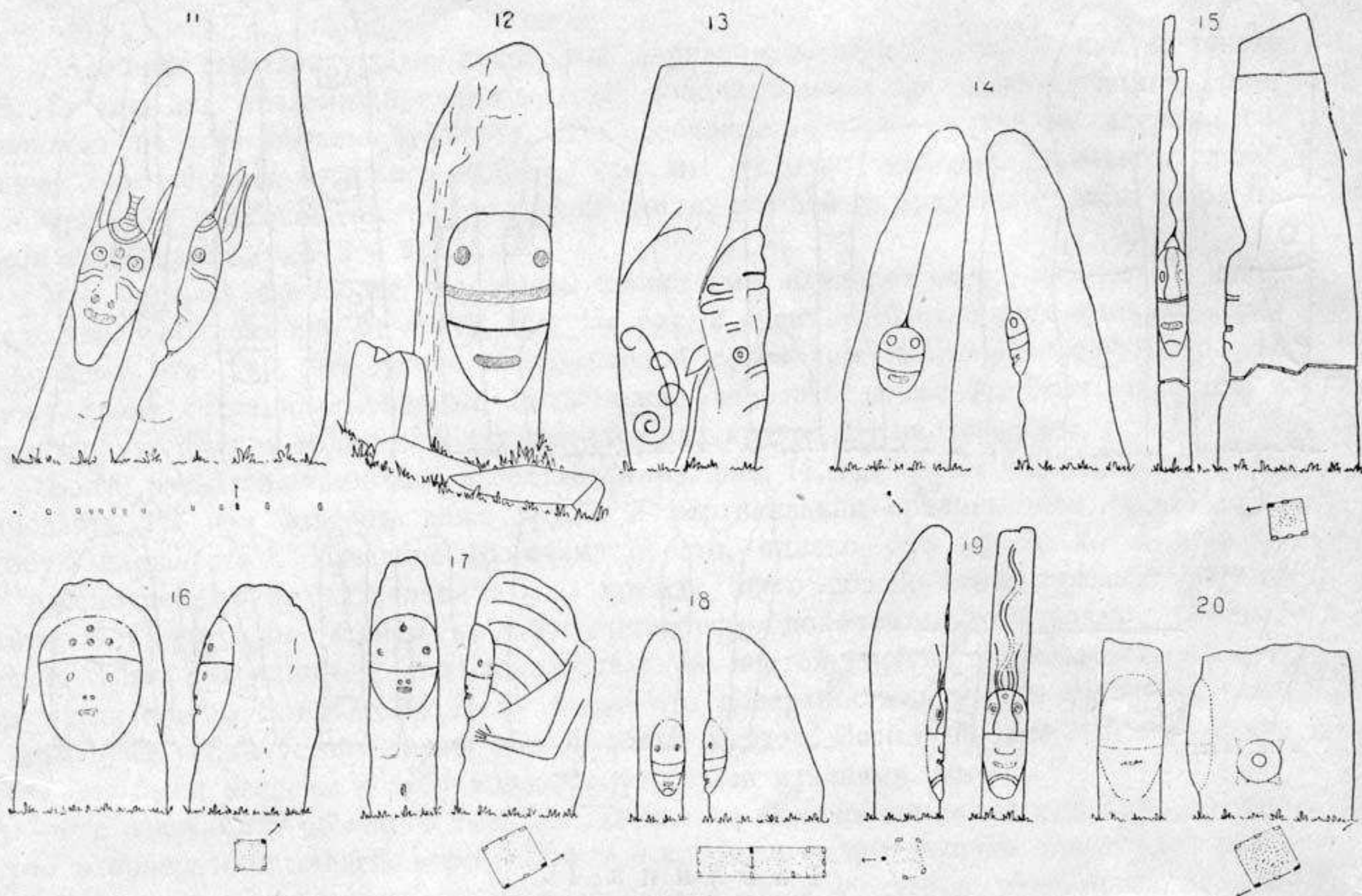
Рис. 6. С. Аскыз (?). С фот. И. П. Кузнецова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 7. р. Уйбат. С рис. А. Tallgren. См. 46, рис. 7 на стр. 99.

Рис. 8. (См. также в тексте рис. 5). В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова на р. Уйбат. Красный песчаник.

Рис. 9. Находится там же. Красный песчаник. Черты лица сохранились плохо.

Рис. 10. Находится там же. Гранит. Черты лица сохранились плохо.

Т а б л и ц а II.

Рис. 11. В 1½ километрах к западу от ул. Патанкова на р. Белый Юс. Красный песчаник. См. 7, рис. 190; 12, рис. 9; 38, табл. VIII, рис. XIV—6. Рисунок этого изваяния, помещенный у Гейкеля (7, рис. 190), более соответствует действительности, чем рис. в *Inscriptions de l'Enissei* (12, рис. 9) (ср. с фотографией, хранящейся в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР).

Рис. 12. Минусинский край (точное местонахождение неизвестно). С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.

Рис. 13. Между р.р. Аскызом и Есью, недалеко от большого кургана, видимого из с. Аскыза. Красный песчаник. По рис. Aspelin'a. См. 3, рис. 328. См. также 8, часть I, табл. 3; 9, том III, стр. 286; 20, стр. 81; 23, том III, стр. 358; 25, стр. 72; 24, стр. 503; 26, стр. 205; 28, стр. 60; 31, стр. 575; 34, стр. 171; 35, стр. 94—95; 38, табл. VIII, рис. XIV—7; 40, стр. 125; 41, стр. 80; 48, стр. 503.

Рис. 14. Левый берег р. Бирь против ул. Тазмина. Гранит.

Рис. 15. В 3-х километрах к северо-западу от с. Верхн. Биджа. Красный песчаник. Сломано пополам.

Рис. 16. В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова, на р. Уйбат. Гранит.

Рис. 17. Кыс-таш. В 1-м километре к юго-зап. от ул. Чаркова на р. Уйбат. Гранит. На том же кургане, что и изваяние 20.

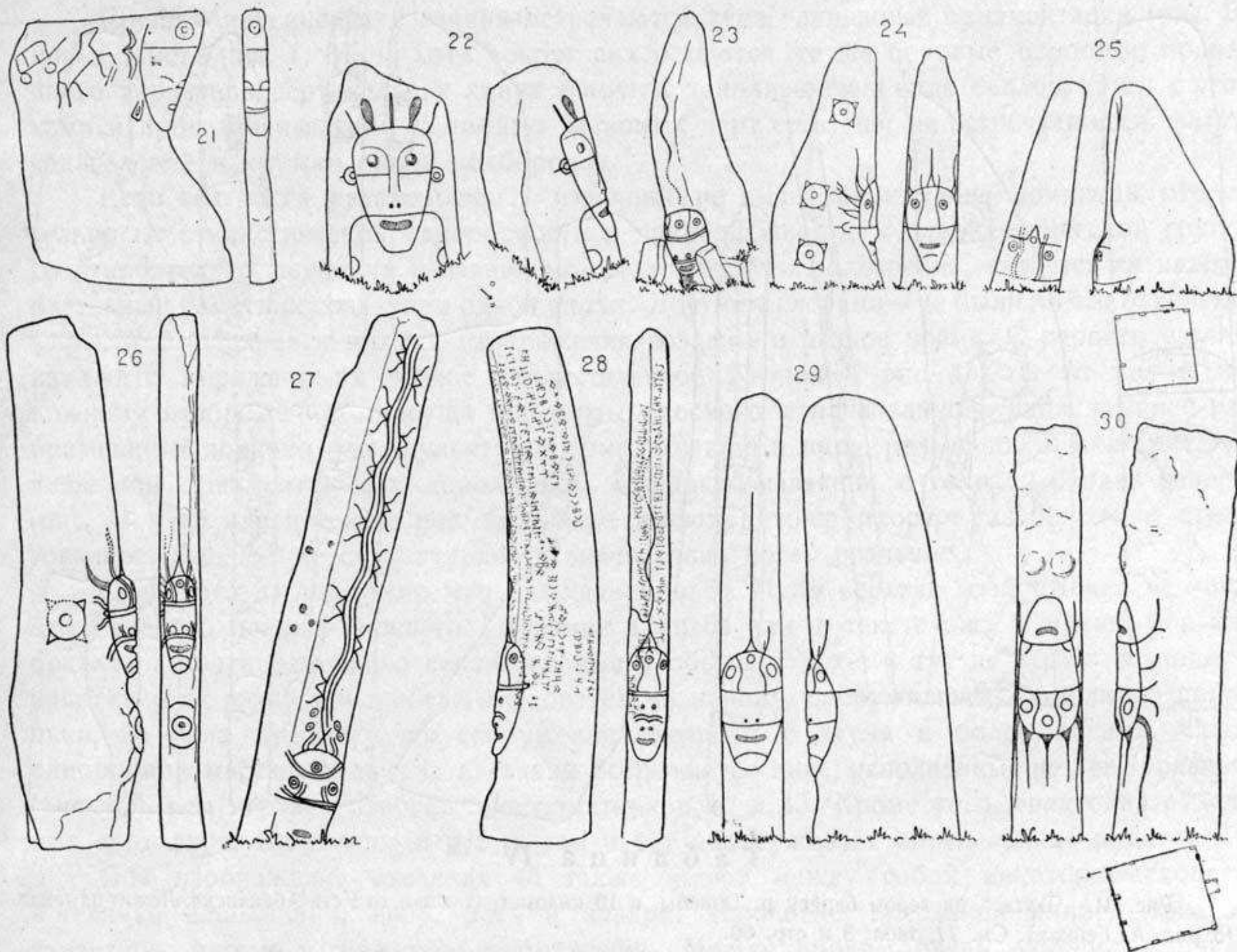
Рис. 18. Левый берег р. Камышты. Между ул. Тутачиновым и Катаевым. Красный песчаник.

Рис. 19. (См. также в тексте рис. 6). В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова на р. Уйбат. Красный песчаник.

Рис. 20. См. пояснения к рис. 17. Гранит.

У памятника, изображённого на рис. 20, верх обломан, и вся поверхность сильно сглажена, так что на выдающемся плоском лице с трудом удалось установить наличие нижней горизонтальной черты и рот, а на широком ребре камня — следы круга с уголками.

Изваяния с одной, а также с двумя горизонтальными чертами имеют весьма часто еще одну интересную особенность, это пара изогнутых линий в виде фигурных скобок, помещающихся между глазами. К числу первых относятся рис. 15, 19 (или в тексте рис. 6), 24, 25 и 27. Здесь есть черты уже знакомые нам: волнистая вертикальная линия, «третий глаз», боковые отростки и круги с уголками; новыми же будут: тройная вертикальная линия с значками в виде буквы «м» по бокам и дуга над глазами. Последняя, возможно, представляет собой петлю, из которой поднимается тройная вертикальная линия, а левый конец является, просто-на-просто, боковым отростком, что не совсем правильно было понято автором рисунка. Нам этот памятник видеть не удалось.

Т а б л и ц а III.

Рис. 21. с. Знаменка. Найдена в могиле. Обломок. Красный песчаник. Хранится в Красноярском Музее. См. I, стр. 7. (Рисунок сделан по наброску, доставленному В. И. Громовым).

Рис. 22. В $1\frac{1}{2}$ километра к западу от ул. Патанкова на р. Белый Юс. Красный песчаник.

Рис. 23. Верхне-Биджинская степь. Урочище Ахмарча. С фот. Н. В. Феодорова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 24. Левый берег р. Бирь, против ул. Тазмина. Гранит.

Рис. 25. Находится там же. Красный песчаник.

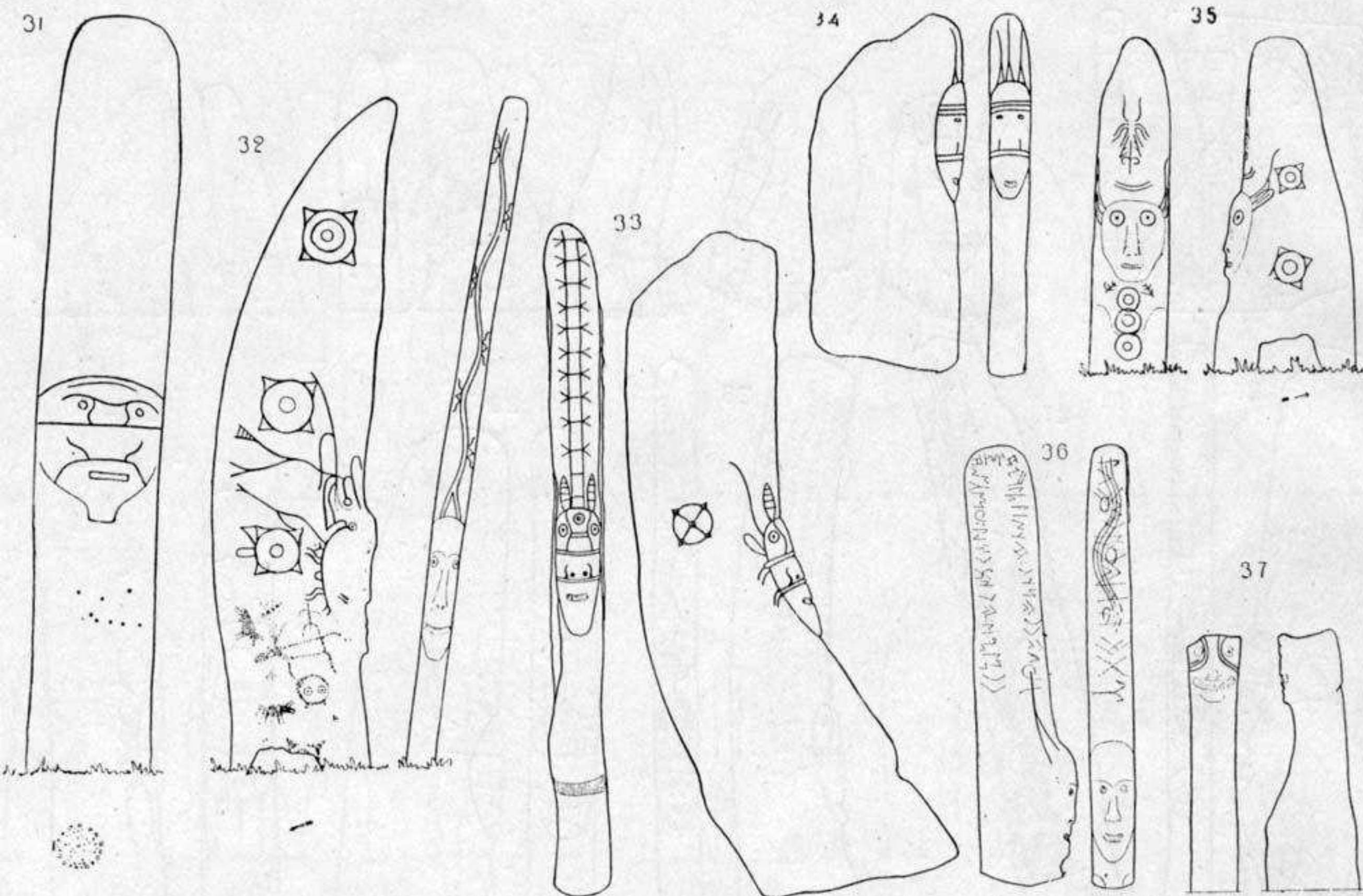
Рис. 26. Минусинский край (точное местонахождение неизвестно). Песчаник. (Хранится в Минусинск. Музее.

Рис. 27. Ул. Терентий на р. Камыште. С рис. из *Inscriptions de l'Enissei*. См. 12, рис. 10; см. также 38, табл. VIII, рис. XIV — 5.

Рис. 28. Недалеко от ул. Чаркова на р. Уйбат. Песчаник. Хранится в Минусинском Музее. См. 3, рис. 336; 10; 11 рис. 4; 12 рис. 2; 14, том I, табл. II, рис. 1 и стр. 158; 21, табл. XV, рис. 11; 33, стр. 338; 35, стр. 31, 93, 98 — 99; 36, вып. III, табл. XCIII — XCIV; 38, табл. VIII, рис. XIV — 8.

Рис. 29. Левый берег р. Бирь, в $1\frac{1}{2}$ километра к востоку от ул. Усть-Биря. Гранит.

Рис. 30. (См. также в тексте рис. 8). Урочище Ахмарча близ улуса Верхне-Биджинского. Гранит.

Т а б л и ц а IV.

Рис. 31. „Чаатас“ на левом берегу р. Ташебы, в 10 километрах к зап. от Усть-Абаканск. Лежит на земле. По рис. А. Гейкеля. См. 11, табл. 3 и стр. 60.

Рис. 32. (См. также в тексте рис. 1). Левый берег р. Бирь, против ул. Тазмина. Красный песчаник. Ныне находится в Госуд. Русском Музее в Ленинграде. См. 34, стр. 172; 35, стр. 16; 47, рис. на стр. 93. См. также „Сибирь“ 1925 г. № „4“ (рисунок на обложке). В нижней части изваяния находится целая серия выбитых острым орудием фигур позднейшего происхождения.

Рис. 33. Минусинский край (точное местонахождение неизвестно). Песчаник. Хранится в Минусинском Музее.

Рис. 34. Р. Немир. Ул. Апыша. Красный песчаник. Хранится в Томском Ун-те. См. 16, стр. 33; 42, рис. 14.

Рис. 35. Левый берег р. Бирь, против ул. Тазмина. Гранит.

Рис. 36. Правый берег р. Уйбат, недалеко от ул. Чаркова. Песчаник. Хранится в Минусинском Музее. См. 7, рис. 3; 10; 12, рис. 3; 21, табл. XIV, рис. 1 и 2; 33, стр. 336; 36, вып. III, табл. XCII, рис. 1 — 6; 38, табл. VIII, рис. XIV — I; повидимому о нем же 50, стр. 462.

Рис. 37. Район оз. Ши́ра. Красный песчаник. Ныне хранится в Гос. Русском Музее в Ленинграде. См. 47, стр. 94.

Изваяния с 2-мя горизонтальными чертами и фигурой скобок изображены на рис. 23 1, [10] 26, 28, 29, 30 (или в тексте рис. 8), 31, 33, 34 и 38. У некоторых из них сильно развита вертикальная орнаментация.

На рис. 33 и 38 уши особенной формы и новая деталь — перемычка между скобками. Кроме того на первом рис. — украшение в виде рожек, интересная фигура круга с уголками и скобки по сторонам ноздрей, а на последней — крест, кружки и пр.

Особенностью памятника 28 является перемещение носоподбородной черты на нос, её изогнутость и ямки над ней. На изваянии же 34 перемещены и верхняя горизонтальная линия и «фигурные скобки», вернее, их остатки.

Среди Минусинских изваяний встречаются лица, лишённые орнаментации (рис. 32, или в тексте рис. 1, 36) 1, [11] хотя вокруг них остаются те же боковые отростки, правда, иного характера, вертикальная линия с новым дополнением в виде овалов, круги с уголками и проч. На изваянии 35 помимо знакомых черт есть ещё не встречавшиеся: фигура над головой и кружки около подбородка.

Если вся масса рассмотренных изваяний не вызывает никаких сомнений относительно их стилистической однородности и принадлежности к одной этнической группе, то относительно двуликих изваяний может возникнуть подозрение, является ли каждый отдельный памятник созданием одной эпохи. Другими словами — не были ли его отдельные части, т.е. верхнее и нижнее изображения созданы в разное время. С первого взгляда как будто поражает их резкое стилистическое различие (рис. 43). В то время, как нижнему изображению присущи все черты плоского стилизованного лица, верхнее изображение исполнено или скульптурой (рис. 40) или в виде рельефной маски (рис. 43), лишённой орнаментальных дополнений. Двуликие изваяния с головой барана наверху (рис. 41 и 45 или в тексте рис. 4) так же имеют нижнее плоское изображение стилизованное, верхнее же скульптурное и значительно более реальное.

С первого взгляда ясно, что у памятников 40, 41, 45 верхнее изображение не могло быть сделано позднее нижнего. Изваяния 42 и 54 или в тексте рис. 3 имеют оба изображения почти одинаково стилизованные в обычном духе, и тут не может возникнуть вопроса о их разновременности, следовательно народу, соорудившему одноликие памятники, не была чуждой идея сооружения изваяний с двумя и более лицами. Среди однородной массы одноликих изваяний встречаются лица, исполненные не менее реально (рис. 32), чем верхнее изображение памятников 40 и 43. Кроме того, трактовка отдельных черт лица, напр, носа и рта, и там и тут обнаруживает определённое родство.

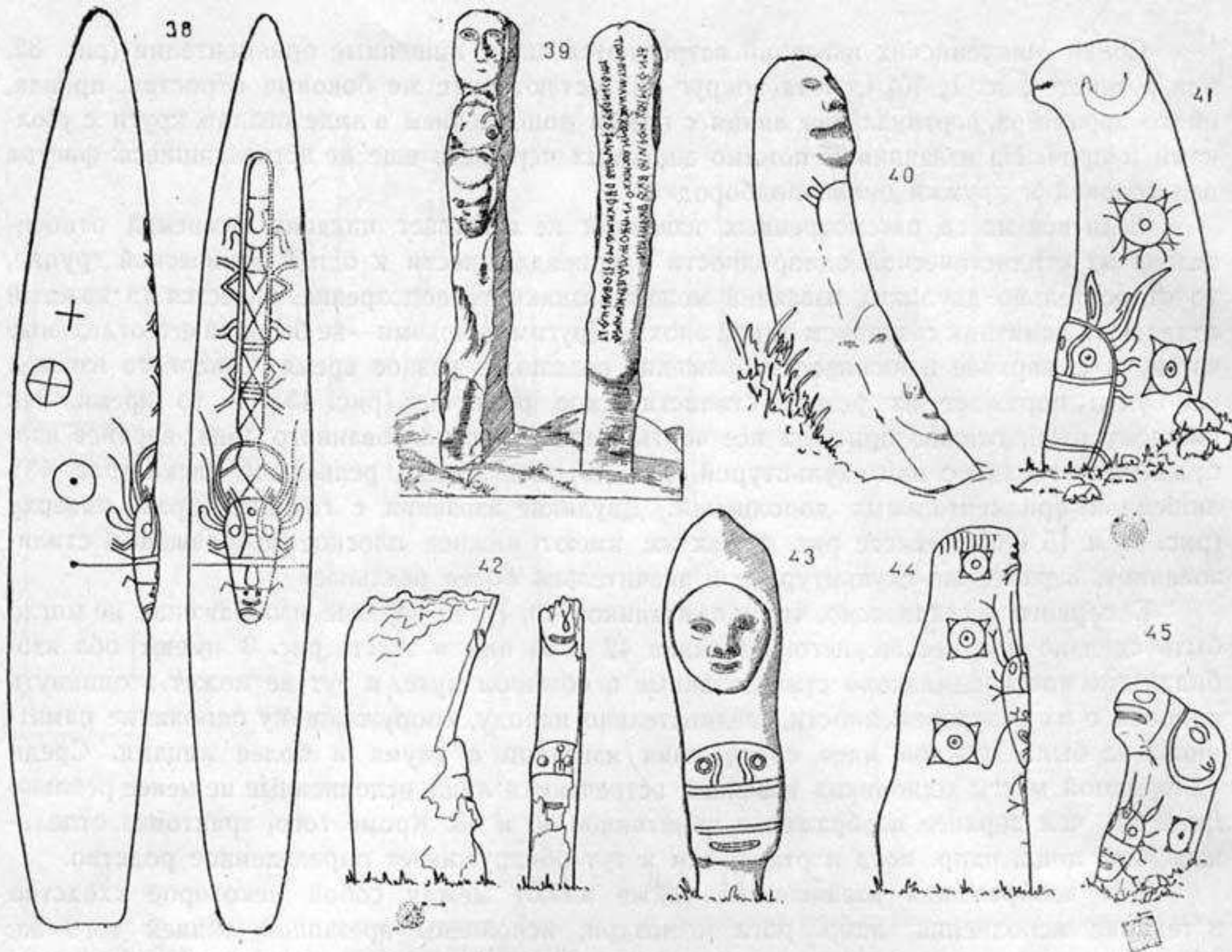
Оба изображения изваяния 45 также имеют между собой некоторое сходство в технике исполнения, напр, рога и ноздри, исполнены врезанной линией того же характера, что и у нижнего изображения. Между прочим очень любопытна линия, охватывающая морду барана между рогами и ртом. Как то невольно напрашивается сопоставление с горизонталью, пересекающей лицо изваяний. Как будто бы и там и здесь заставляла это делать какая то, неизвестная нам, традиция. Верхнее изображение 44 памятника, если судить по фотографии, имеет определённое сходство со стилизованным лицом какого-то животного.

Все приведённые соображения как будто говорят за то, что и эти памятники могут быть целиком отнесены к группе типично минусинских, и создание их приурочено к той же эпохе.

Особенность плоскостных изваяний, как мы уже упоминали, состоит в том, что стилизованное человеческое лицо исполняется врезанной линией и располагается не на ребре

плиты, а на её широкой грани и по существу представляет собою рисунок. Часть этих памятников очень проста. Так изваяния 46, 50 и 47 не имеют даже очертаний лица. Последнее изваяние сохранилось очень плохо. Приходилось на ощупь определять присутствие углублённых линий, всегда более гладких, чем остальная поверхность, как бы шлифованных. Так же плоха сохранность памятника 48.

Изваяния 51, 52 (или в тексте рис. 2) и 53 в стилизации лица не дают ничего существенно нового, зато несколько необычно изваяние, изображённое на рис. 49. Следующие два памятника (рис. 54 или в тексте рис. 3 и 55) одни из наиболее пышных в Минусинском крае. Некоторые черты, как например, обрамление лиц и тройная линия, пересекающая нос, нами ещё не были встречены. Кроме того квадратная форма нижнего изображения (фиг. 54), несомненно представляющая собой лицо, является особенностью, присущей только этому памятнику.

Т а б л и ц а V.

Рис. 38. Кемитас (лодка-камень). В 4-х километрах от ул. Патанкова на р. Белый Юс, по правую сторону дороги на Черное озеро. Гранит. Лежит на земле.

Кроме изображенных на рис. 1 — 38, имеются сведения о нахождении изваяний подобного типа еще в следующих пунктах:

I. По дороге из ул. Усть-Биря на ул. Колода. Плита с изображением лица на ребре.

II, III. „Чаатас“ на левом берегу р. Ташебы в 10 километрах к зап. от Усть-Абаканска. Две плиты с изображением лица на ребре.

IV, V, VI. Левый берег р. Биря в $1\frac{1}{2}$ килом. к востоку от ул. Усть-Биря. Три плиты с изображением лиц на узком ребре.

VII. В $1\frac{1}{2}$ килом. от ул. Патанкова на р. Белый Юс по дороге на Черное озеро. Гранитная сигарообразная глыба, совершенно подобная по форме и по величине Кемитас (рис. 38). Изображение стерлось. Лежит на земле.

VIII. В 12 килом. от ст. Сон по направлению к оз. Ши́ра, по словесному сообщению А. Р. Шнейдера, находится изваяние с изображением рельефного лица на ребре. Оно стоит в качестве углового камня кургана поздней бронзы.

Рис. 39. Недалеко от р. Уйбат (оз. Ачик-Куль?) С рис. Миллера, по Радлову 35, рис. на стр. 99. См. также 14, том I, табл. II, рис. 2 и стр. 158; 15, табл. I, рис. 1; 28, стр. 59.

Рис. 40. Р. Есь, в 2 — 3-х километрах вверх от устья по дороге на с. Таштып. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.

Рис. 41. Левый берег р. Биря, в $1\frac{1}{2}$ килом. к востоку от ул. Усть-Биря. Гранит. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те. См. 45, рис. 2 (изображ. очень мелко).

Рис. 42. В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова на р. Уйбат. Серый песчаник. Фигурки между глазами нижнего изображения и на щеке верхнего — вероятно позднейшего происхождения, так как выполнены иной техникой.

Рис. 43. Улу-Куртуяк-тас (Большая старуха-камень). В нескольких километрах от Аскыза. Песчаник С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те. См. 3, рис. 331; 6, рис. 31 и стр. 78; 8, табл. 4, рис. 2 и 3 и стр. 349; 9, том III, стр. 286; 16, стр. 34; 19, стр. 230; 20, стр. 77; 23, том II, стр. 358; 24, стр. 501, 502; 25, стр. 69; возможно о нем же 26, стр. 205; 28, стр. 59 (под № 8 и 11 говорит об одном и том же изваянии, как о разных) 31, стр. 575; 34, стр. 169; 35, стр. 17 и 95; 37, стр. 563; 39, стр. 6; 40; 41, стр. 22; 42, рис. 16; 48, атлас, табл. II, рис. 22а, 22 и стр. 505.

Рис. 44. У с. Кавказского на р. Тубе. Песчаник. Хранится в Минусинском Музее.

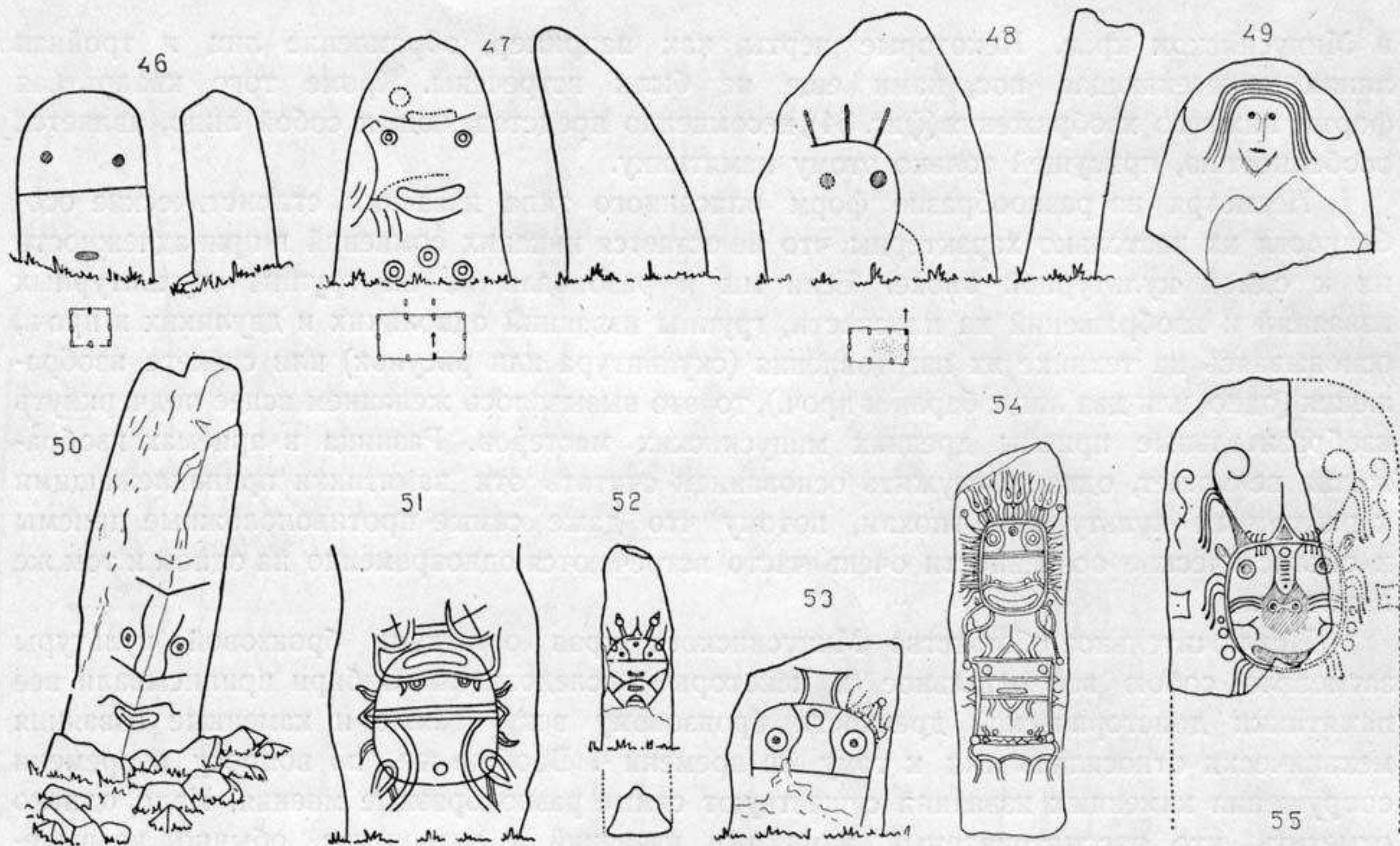
Рис. 45. (См. также в тексте рис. 4). В 3-х килом. к сев.-зап. от ул. Верхне-Биджинского. Красный песчаник. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.

Несмотря на разнообразие форм описанного типа изваяний, стилистические особенности их настолько характерны, что не остается никаких сомнений в принадлежности их к одной культурной эпохе. Если мы и разбивали их на группы скульптурных изваяний и изображений на плоскости, группы изваяний одноликих и двуликих и проч., основываясь на технике их изготовления (скульптура или рисунок) или сюжете изображения (одно или два лица, баран и проч.), то это вызывалось желанием яснее подчеркнуть изобразительные приёмы древних минусинских мастеров. Разница в приёмах изображения не может, однако, служить основанием считать эти памятники принадлежащими к различным культурным эпохам, потому что даже самые противоположные приёмы и стилистические особенности очень часто встречаются одновременно на одном и том же памятнике.

Исключительное богатство Минусинского края остатками бронзовой культуры затмевало собою всё остальное, и некоторые исследователи Сибири приписывали все памятники доисторической древности бронзовому веку. Также и каменные изваяния механически относились ими к тому же времени 1. [12] Вообще же, по вопросу о времени сооружения каменных изваяний существуют самые разнообразные мнения. Надо, однако отметить, что рассматриваемый нами тип изваяний в литературе, обычно, не выделяется из общей массы так называемых «каменных баб», и под именем «Енисейских каменных баб» разумеются все типы встречающихся там изваяний. Из целого ряда различных исследований по этому вопросу (о датировке) следует отметить лишь два наиболее обоснованных, это работы Д.А. Клеменца и Н.М. Ядринцева.

Клеменц 2 [13] отмечает постоянную связь изваяний с могилами поздних типов что, по его мнению, «неоспоримо доказывает» значение их, как намогильных памятников, и приводит показания китайских летописцев об обычае у народа Тукю (VI в. н.э.) ставить на могиле изображение умершего и ряд камней по числу убитых врагов. Этот обычай, по мнению Клеменца, мог быть заимствован у более древних народов и, таким образом, относится ко времени VI в. нашей эры и раньше.

Ядринцев 3 [14] также, считая каменные бабы намогильными памятниками, отмечает, что в китайских летописях, подробно описывающих обычаи хакас, нет никаких указаний об обычае ставить каменные бабы, следовательно, они «принадлежали народу предшествовавшему хакасам или жившему в соседстве с ними». Возникновение каменных баб Ядринцев относит ко времени до нашей эры, наиболее же поздние из них, по его мнению, одновременны с орхонскими надписями.

Т а б л и ц а VI.

Рис. 46. Правый берег р. Б. Сыр, в $\frac{1}{2}$ килом. от ул. Сафьянова. Гранит.

Рис. 47. В $\frac{1}{2}$ килом. от с. Сенявино по правой стороне дороги на ул. Казынаев. Гранит.

Рис. 48. В 1 килом. к юго-зап. от ул. Чаркова. Гранит.

Рис. 49. Кыс-таш и проч. Против с. Усть-Есь, в 2-х километрах от р. Абакана по его левому берегу и недалеко от горы Сары. Песчаник. Хранится в Минусинском Музее. См. 3, рис. 340; 8, ч. I, табл. 3 и стр. 348; 20, стр. 80; 26, стр. 205; 28, стр. 61; 34, стр. 170; 35, стр. 95; 48, стр. 505.

Рис. 50. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.

Рис. 51. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.

Рис. 52. (См. также в тексте рис. 2). Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Гранит. Хранится в Минусинском Музее.

Рис. 53. Юго-восточный берег озера Ши́ра. Матер. неизв. С фот. И. П. Кузнецова, хранящейся в Томском Ун-те.

Рис. 54. (См. также в тексте рис. 3). Левый берег р. Бири, против ул. Тазмина. Гранит. Хранится в Минусинском Музее. См. 12, рис. 8; 38, табл. VIII, рис. XIV — 3.

Рис. 55. Около ул. Кызласова на р. Малая Есь. Красный песчаник. Хранится в Томском Ун-те. См. 42, рис. 17, где нарисованы и фигуры животных, высеченные поверх древнего рисунка и не изображенные на прилагаемом рисунке.

Изображения лица на плоскости плиты, подобные №№ 46 — 55, находятся еще в следующих местах.

IX. В районе оз. Ши́ра, по сообщению С. А. Теплоухова, изваяние очень похожее на памятник, изображенный на рис. 48.

X. „Чаатас“ на левом берегу р. Ташебы, в 10 километрах к зап. от Усть-Абаканска. Плита с изображением лица на ее широкой плоскости.

Если все эти мнения для большей части «каменных баб» Монголии, Туркестана, Киргизских и Южнорусских степей частично верны, то, по отношению к только что рассмотренному типу Минусинских изваяний, ни с одним из них нельзя согласиться, так как нигде в китайских летописях нет прямых указаний на существование каменных изваяний, а связь изваяний с древне-турецкими надписями, начертанными на них, и с погребениями, на которых они стоят, вызывает некоторые сомнения. Вот почему в настоящем очерке будет уместно пересмотреть вопрос о хронологии каменных изваяний Минусинского типа и, по мере возможности, определить их место в культурах Минусинского края.

Ни стиль, ни техника изготовления изваяний не дают никаких указаний на время их сооружения. Единственный путь для определения их места в хронологии края — это изучение взаимоотношений их с другими памятниками древних культур а именно, с погребениями, на которых они стоят, и с находимыми на них древне-турецкими надписями.

Изваяния с древними надписями встречаются довольно редко. Известно лишь три таких изваяния. Одно из них (рис. 39) с оз. Ачиккуль (!?) мы знаем только по схематическому рисунку Миллера 1. [15] Прочтена ли надпись этого камня и что она значит — нам не удалось выяснить. Неизвестна, также, и дальнейшая судьба этого памятника. Другие два изваяния (рис. 28 и 36), хранящиеся в Минусинском Музее и осмотренные нами, в своё время были изучены Радловым и текст их надписей переведён на немецкий язык 2. [16] Оба эти изваяния находились прежде в Уйбатской степи, недалеко от ул. Чаркова. К сожалению, их отношение к многочисленным могильным памятникам этого района теперь неизвестно, так как, доставивший их в Минусинск И.П. Кузнецов, не сообщил никаких сведений о их первоначальном положении и не указал точного местонахождения.

Сравнительно небольшая надпись на изваянии 36 посвящается «доблестному отцу Алту». «Я воздвиг этот памятник тархану народа Ач» — пишет автор надписи. «Из за своих заслуг ушёл он из среды своего народа (как посол) к Кара-хану».

Пространная надпись изваяния 28 местами сильно стёрлась; хотя некоторые строки её наполовину утрачены, общий смысл надписи понятен. Здесь описываются события из жизни богатыря Капга-Тэн-Эрдема, и повторяется обычная для Енисейских надгробных памятников формула: «я разлучился» с тем-то, «я не мог оставаться» с тем-то и т.д. В этой надписи упоминается имя турецкого хана Тачам (Кудулу-Хана) 3. [17] По смыслу надписи Радлов заключает, что надпись посвящена богатырю, оказавшему некогда военную помощь Тачаму, и, что впоследствии

Тачам, ставши турецким ханом, соорудил ему этот памятник. Если это предположение правильно, то надпись должна быть отнесена к концу VII в., когда после 683 г., владычество турецкого хана было сломлено Кудулу-ханом (Тачамом).

Рис. 4. Изваяние из красного песчаника близ улуса Верхне-Биджинского (Фот. Минусинского Мартьяновского Музея).

Казалось бы, вопрос о времени сооружения рассмотренных Уйбатских изваяний, а, следовательно, и всех подобных им, разрешён. Они должны относиться ко времени около VII в. нашей эры и служат надгробными памятниками. Однако же некоторые факты заставляют воздержаться от такого определения.

Все известные в Минусинских степях древне-турецкие надписи являются по своему содержанию надгробными. Лишь две надписи, сделанные на скалах (одна на Белом Юсе и другая близ Сулекова ул.), представляют, может быть, в этом отношении исключение. Надписи делались, большей частью, на стоящих в степи камнях и только в трёх случаях они нанесены на скалах. К сожалению, большая часть камней с надписями вывезена с их первоначального местонахождения, и теперь неизвестно, на каких могилах они стояли. Эти сведения имеются только для 4-х надписей. Одна из них находилась на р. Ташебе, на кургане, раскопанном Heikel'ем в 1889 г. 1. [18] Надпись сделана на одном из камней, стоящих у основания кургана. Среди этих камней находилось изваяние (рис. 31). Этот курган, судя по найденным в нём предметам, должен быть отнесён ко времени, близкому к эпохе существования древне-турецкой письменности на Енисее. Другая надпись сделана на камне, стоящем на западной стороне большого кургана близ с. Тесь на р. Тубе. Этот курган в 1889 г. раскопан Aspelin'ом 2. [19] Судя по характеру погребального сооружения и по найденным в нем предметам, курган этот должен относиться к концу, установленной С.А. Теплоуховым, минусинской курганной культуры, т.е. к первым векам нашей эры (Тальгрэн датирует этот курган III-IV вв. н.э.).

Наконец, две надписи находились у основания насыпей курганов, раскопанных А.В. Адриановым 3 [20] на р. Уйбате. Одна надпись кургана № 1 в группе Узун-Оба, другая — кургана № 1 группы Кара-Кургэн. Оба эти кургана должны быть также отнесены к концу минусинской курганной культуры, только несколько раньше Тесинского кургана.

Рис. 5. Изваяние из красного песчаника на Уйбатском „чаатасе“ (близ Чаркова улуса). (Фот. С. А. Теплоухова).

Таким образом, надгробные надписи VII столетия встречаются на могилах различных эпох. В Кара-Кургэне на могиле первых веков н.э., мы находим позднюю надпись: «балбал (т.е. памятник) Кашук'а». Подобную же надпись читаем на береговой скале на Тубе: «Моей стране Эдиль балбал» (т.е. памятник). Всё это говорит за то, что надписи делались на первом попавшемся камне или скале с гладкой поверхностью и что они не являются надгробными в буквальном смысле этого слова, так как не ставились на могиле героя, в честь которого они написаны. Нет ничего удивительного, что, при подыскании удобного места для надписи, выбор мог иногда упасть на древнее изваяние, плоскости которого всегда гладко отёсаны. Таким образом, изваяния не имеют никакого отношения к сделанным на них надписям. Последнее подтверждается и некоторыми другими фактами.

Внимательное рассмотрение Уйбатских изваяний с турецкими надписями (рис. 28 и 36) наталкивает на следующие обстоятельства. В то время, как контуры лица со всеми его атрибутами сделаны точной, глубокой, вышлифованной линией, надписи нанесены довольно небрежно и поверхностно каким-то режущим орудием. Причём, в тех местах, где надпись и рисунок налегают друг на друга, ясно видно, что рисунок предшествовал надписи, так как буквы, нанесенные лёгким штрихом, проходят по поверхности желобков (линий), образующих рисунок изваяния. Кроме того, расположение надписи совершенно не согласуется с рисунком изваяния. Некоторые строки её покрывают собой волнистую линию, идущую вверх от лба, а на одном камне надпись заходит даже на лицо. Все это говорит за то, что надпись и рисунок не одновременны, и, конечно, надпись позднее.

Камни, стоящие в Минусинских степях в течение веков, подвергаются разнообразным разрушительным действиям. В этом отношении некоторую роль играет пасущийся в степи скот, имеющий привычку тереться о камни. Животные, облюбовав себе несколько камней, трутся о них, и в результате подобной многовековой работы все неровности камня на высоте 80-130 см. от земли сглаживаются, и поверхность его становится гладко отшлифованной. Подобному действию, повидимому, подверглось изваяние 36. Здесь интересно отметить, что в то время, как поверхность камня выше лица сильно сглажена, и рисунок волнистой линии местами совершенно стёрт, буквы надписи, нанесенные тонким штрихом, в том же месте прекрасно различимы 1. [21] Это можно объяснить только тем, что изваяние, простоявшее довольно большой промежуток времени в степи, успело под влиянием трущихся о него животных значительно сгладиться, и только тогда была на нём сделана надпись.

Таким образом, рассмотрение Енисейских надписей ещё раз убеждает нас в том, что они никакого отношения к изваяниям не имеют, следовательно, датировать их не могут и, что изваяния древнее сделанных на них надписей.

Рис. 6. Изваяние из красного песчаника на Уйбатском „чаатасе“ (близ Чаркова улуса). (Фот. С. А. Теплоухова).

Большая часть изваяний находится на курганах и могилах. Невольно является вопрос — не связаны ли они с какими-нибудь известными типами погребений и не могут ли быть, таким образом, датированы какой-то определённой культурной эпохой? Оказывается, что не на всяких типах могильных памятников встречаются изваяния. Есть целый ряд погребений, на которых они ни разу не встречены, и, наоборот, некоторые типы могильных сооружений часто сопровождаются ими.

Для более ясного представления типов курганов и могил, на которых встречаются изваяния, будет уместным привести здесь характеристику намогильных сооружений различных культурных эпох, выработанную в течение многолетних исследований С.А. Теплоуховым. Принятая им схема эволюции погребального обряда древних культур Минусинского края даёт возможность разобраться в многочисленных формах намогильных сооружений, почти сплошь покрывающих собой Минусинские степи.

Погребения энеолита (афанасьевская культура) и ранних культур бронзовой эпохи (андроновская и карасукская) по этой схеме — плоские или с едва возвышающейся над поверхностью окружающей земли насыпью. Стоящих камней эти погребения не имеют. Также и изваяния из камня здесь никогда не встречаются. На этих погребениях мы не будем подробно останавливаться. Погребения I этапа минусинской курганной культуры, плоские или с небольшой насыпью, окружены четырёхугольной оградой из врытых в землю и едва возвышающихся над поверхностью плит. По углам ограды стоят каменные плиты, ориентированные узкими гранями на NO и SW, а широкими на SO и NW с некоторыми отклонениями в ту или другую стороны.

Погребения II этапа минусинской курганной культуры устроены так же, как и предыдущие, только несколько крупнее по размерам, и помимо угловых камней имеют ещё по одной плите на северо-западной и юго-восточной сторонах ограды и по одной или по две на противоположных сторонах. Кроме того, иногда бывают 2 или 3 плиты перед северо-восточной стороной ограды («маяк»).

Погребения III и IV этапа минусинской культуры по устройству аналогичны предыдущим, но значительно больше по величине. Помимо угловых камней на северо-западной и юго-восточной сторонах ограды стоит по две и более плиты и соответственное количество плит на противоположных сторонах. Также часты «маяки».

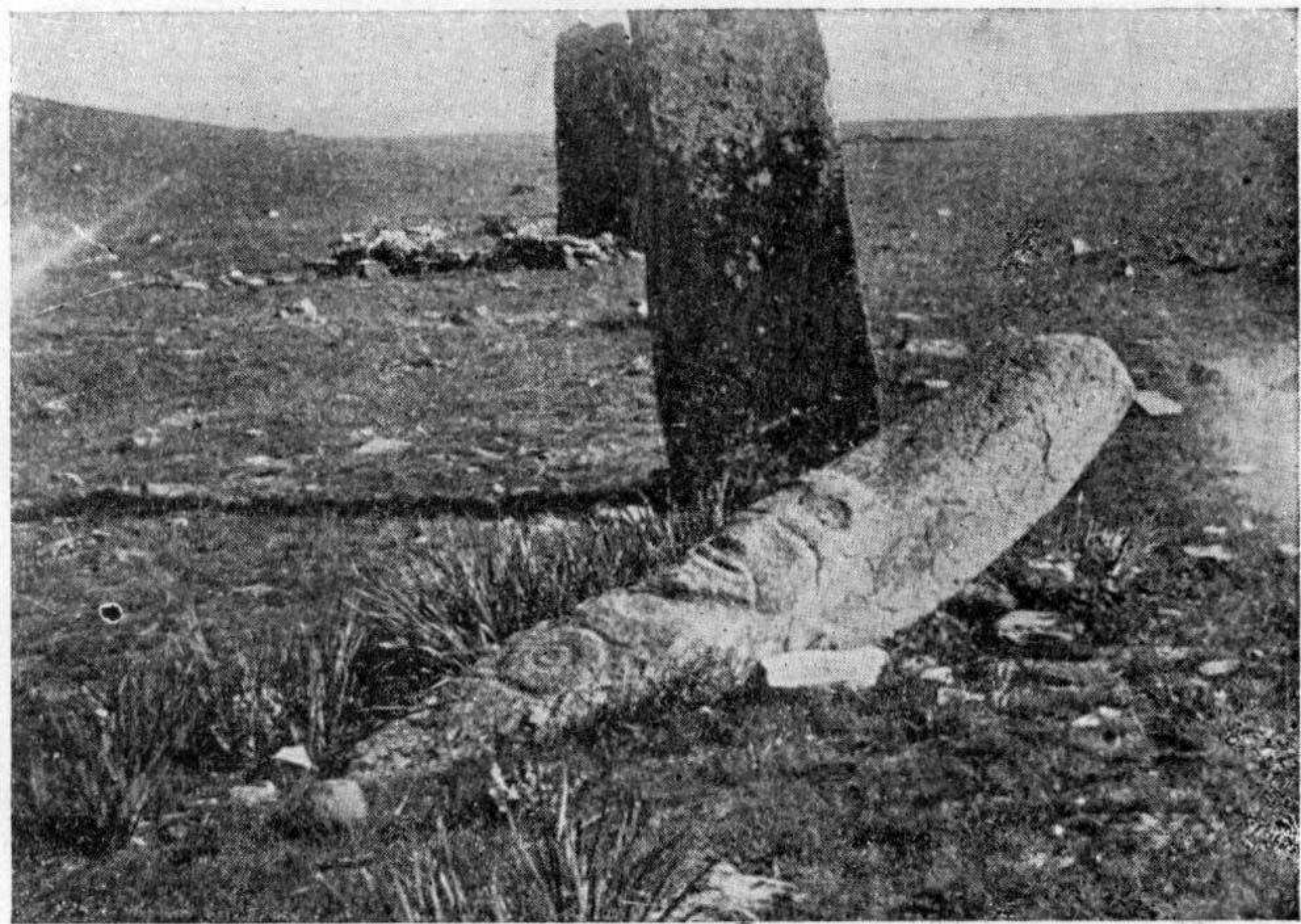

Рис. 7. Изваяние из гранита, находящееся в аллее камней Уйбатского „чаатаса“ (близ Чаркова улуса). (Фот. С. А. Теплоухова).

Погребения таштыкской культуры (первые века н.э.) имеют вид ямок, возле которых находится иногда ряд стоящих камней (от 5 до 40 камней).

Для времени с V по X вв. н.э. характерны погребения с каменной насыпью. Более ранние из них обставлены у основания по четырёхугольнику стоящими камнями. В более поздних погребениях они или отсутствуют или имеется всего лишь один, стоящий где-нибудь у основания насыпи, камень.

Погребения поздних культур железной эпохи плоские, без стоящих камней. На них каменные изваяния ни разу не встречены.

Каменные изваяния совершенно не встречаются на погребениях ранних эпох бронзовой культуры (андроновская и карасукская). С.А. Теплоухов сообщил нам, что около ст. Шира имеется каменное изваяние, подобное № 48 и стоящее на могиле I этапа минусинской курганной культуры. Изваяние 22 находится также на погребении I этапа курганной культуры (?). Изваяния 7, 17, 18, 20, 46, 47, 48 стоят на могилах II этапа (некоторые из них, может быть, на могилах I этапа) минусинской курганной культуры. Изваяния 13, 25 и 30 находятся на курганах III или IV этапа той же культуры. Далее, изваяния 4 и 11 — в сооружениях таштыкской культуры. Наконец, сравнительно, большое количество, а именно 18 изваяний 1, [22] на погребениях эпохи каменных могил (рис. 8, 9, 10, 15, 16, 19, 29, 41, 42, 45).

Итак, начиная с I этапа минусинской курганной культуры, изваяния встречаются на всех типах намогильных сооружений, имеющих в своей структуре стоящие камни и захватывают, таким образом, громадный промежуток времени, не менее, чем в полторы тысячи лет и целый ряд культурных эпох. Это, как будто, противоречит высказанному выше предположению, что изваяния относятся к одной культурной эпохе, ограниченной, сравнительно, небольшим промежутком времени. Однако же, странно было бы допустить, что так строго выдержанный стиль минусинских изваяний во всем своем многообразии форм мог жить в течение целого ряда культурных эпох. Если взглянуть на прилагаемые таблицы, то возникает новое недоумение. Почему одни и те же формы, порой совершенно тождественные, встречаются на могилах различных эпох 2, [23] и, наоборот, на погребениях одной и той же эпохи находятся различные изваяния? 1 [24] Чем это объяснить? Попробуем внимательно рассмотреть условия нахождения изваяний в погребальных сооружениях.

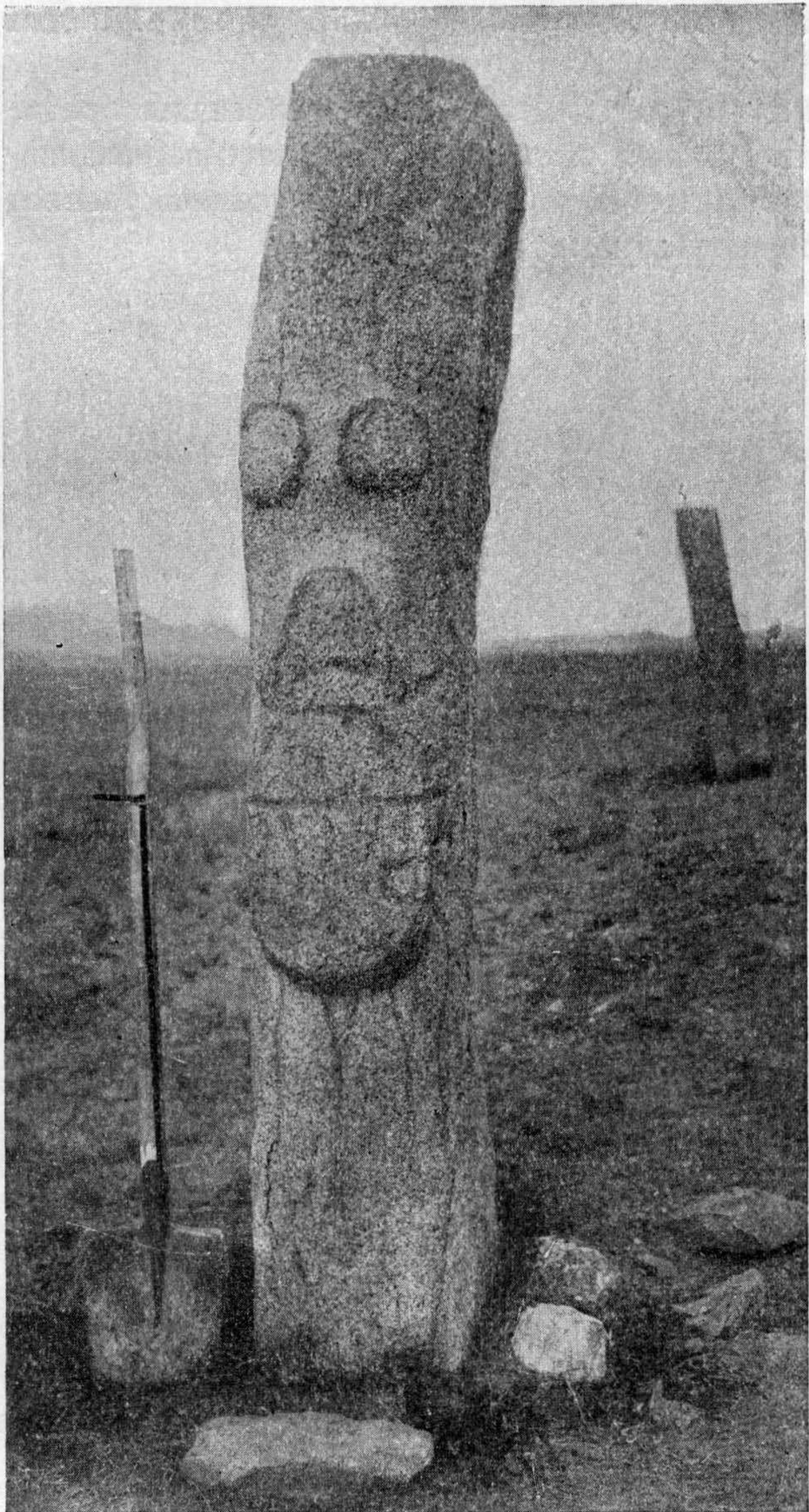

Рис. 8. Изваяние из гранита в уроч. Ахмарча (близ улуса Верхне-Биджинского) на большом кургане (Фот. Минусинского Мартяновского Музея).

Намогильные сооружения Минусинских степей чрезвычайно характерны по правильности своей постройки. Вдоль стенок прямоугольной ограды, в строгом порядке расположены стоящие плиты. Часто они подобраны по величине и форме и строго ориентированы относительно стран света, образуя, таким образом, симметричную фигуру. Если мы иногда и наблюдаем некоторые неправильности в количестве плит, их величине или форме, то это большей частью следует приписывать разрушительному действию времени. Если каменное изваяние, стоящее на могиле, представляло собой памятник погребённому здесь человеку, то, казалось бы, он должен был занять какое то определённое положение в конструкции погребального сооружения. Наблюдения же показывают обратное. Изваяние никогда не занимает особого, центрального места, а всегда является одной из рядовых плит. Часто оно стоит в качестве углового камня (изв. 7, 15, 16, 17, 20, 30, 45 и 48), в других случаях заменяет собой камни, стоящие вдоль ограды (изв. 8, 9, 10, 18, 25, 46 и 47), или одну из плит, стоящих впереди кургана (маяк, № 13). В то время, как все плиты намогильного сооружения строго ориентированы относительно стран света, изваяния, в этом отношении, стоят как попало 2. [25] Большая часть их обращена лицом на NO или в обратном направлении, на SW. Это находится в связи с общей ориентировкой всего погребального сооружения, где все плиты обращены узкими гранями на NO и SW. Наконец, особенно интересны те случаи, когда стоящее на могиле изваяние оказывается в перевёрнутом положении. В Минусинском крае известно 4 изваяния поставленных вниз головой, а именно — 2, 13, 30 (или в тексте рис. 8) и 51.

Такое беспорядочное и случайное положение изваяний на могильных памятниках говорит, как будто, о небрежном обращении с ними народа, ставившего их на свои могилы. Пренебрежительное отношение при сооружении могил к изображениям, изваянным на плите, можно объяснить только тем, что для лиц, ставивших их на могилы, они не представляли предмета культа, а были лишь камнями, оставленными в степи прежними насельниками края, и служили в качестве простого материала для сооружения могильной ограды. Надо думать, что, как сейчас, так и в прежние времена, население широко пользовалось древними монументальными памятниками в качестве материала для устройства своих могил 1 [26] и для различных хозяйственных надобностей.

Рис. 9. Эстампаж с писаницы Минусинского края, хранящийся в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР.

Подтверждением высказанному предположению может служить плита с высеченными на ней человеческими фигурками, стоящая на кургане около Тазьмина улуса. Подобные фигурки человека встречаются часто на могильных плитах, но особенность описываемой плиты заключается в том, что все эти фигурки изображены вниз головой, причём все они расположены в нижней части плиты так, что часть их оказалась зарытой в землю. При таком положении камня они не могли быть высечены на нём. Несомненно, эта плита стояла когда-то в другом положении, обратном настоящему, и тогда на ней были сделаны эти изображения.

Если мы допускаем мысль, что изготовление изваяний не принадлежит народам, поставившим их на могилы в качестве плит ограды, что эти памятники им чужды, то мы приходим к заключению, что изваяния древнее всех тех могил, на которых они находятся, то есть древнее минусинской курганной культуры. Считая минусинскую курганную культуру верхним отделом бронзовой эпохи и началом культуры железа, мы тем самым определяем изваяния, как памятники бронзовой эпохи Минусинского края.

Это подтверждается интересной находкой в д. Знаменке. В 1904 году А.В. Адрианов 1 [27] узнал о случайной раскопке древней могилы в усадьбе одного крестьянина. Могила представляла собой сложенный из плит гроб. В ней было найдено около 70 бронзовых бус, бронзовый нож и глиняный горшок 2. [28] Плита, служившая крышкой гроба, оказалась обломком изваяния обычного минусинского типа (рис. 21) 3. [29]

История этой плиты представляет большой интерес. Несомненно, когда то она стояла в степи и в течение некоторого времени подвергалась разрушительному действию атмосферы и, может быть, человека. Со временем происхождение и назначение её успело уже изгладиться из памяти населявшего край народа. Памятник уже не почитается. На нём ради забавы, или из других соображений, высекаются разные фигуры (изображения животных, экипажи и проч.) и, наконец, он уже в поломанном виде служит в качестве простого материала для сооружения могилы. Несомненно, это изваяние существовало задолго, может быть, за несколько столетий, до сооружения могилы, раскопанной в Знаменке. Вот почему датировка этой могилы приобретает большое значение для хронологии Минусинских изваяний.

Найденные в могиле медные бусы и нож указывают на принадлежность её к бронзовой эпохе. К сожалению, не зная типов предметов, совершенно не представляется возможным датировать могилу более точно. Можно лишь предполагать, что она относится, по всей вероятности, ко времени не раньше первого этапа минусинской курганной культуры.

Характер погребального сооружения также не даёт точного указания на время сооружения могилы, так как гроб из каменных плит встречается, начиная с андроновской культуры. Однако же, надо отметить, что в могилах андроновской и карасукской культур плиты всегда тонкие. Массивные плиты появляются лишь с первого этапа минусинской курганной культуры. Так что погребение Знаменки, покрытое массивной плитой — изваянием, следовало бы отнести ко времени не раньше первого этапа минусинской курганной культуры. Начиная с третьего этапа курганной культуры, основная могила кургана всегда бывает с бревенчатым срубом. Лишь в стороне встречаются иногда детские могилы, стенки которых выложены каменными плитками 4. [30]

Таким образом, Знаменское погребение вероятнее всего относится к первому или второму этапу минусинской курганной культуры. Стало быть, изваяние нужно относить ко времени, предшествовавшему этой эпохе.

Можно, таким образом, предполагать, что время сооружения изваяний предшествовало курганной культуре или совпадало с 1 этапом курганной культуры, что менее вероятно. Вероятнее же всего, изваяния следует приписывать карасукской культуре. (По С.А. Теплоухову — время близкое к 1000 г. до н.э.). Ко времени более древнему изваяния отнесены не могут быть, так как изготовление их требует применения массивных металлических орудий, каковые едва ли могли быть в начальных стадиях бронзовой эпохи.

Рис. 10. Изваяние из красного песчаника из с. Знаменки
(фот. Г. О. Боровка).

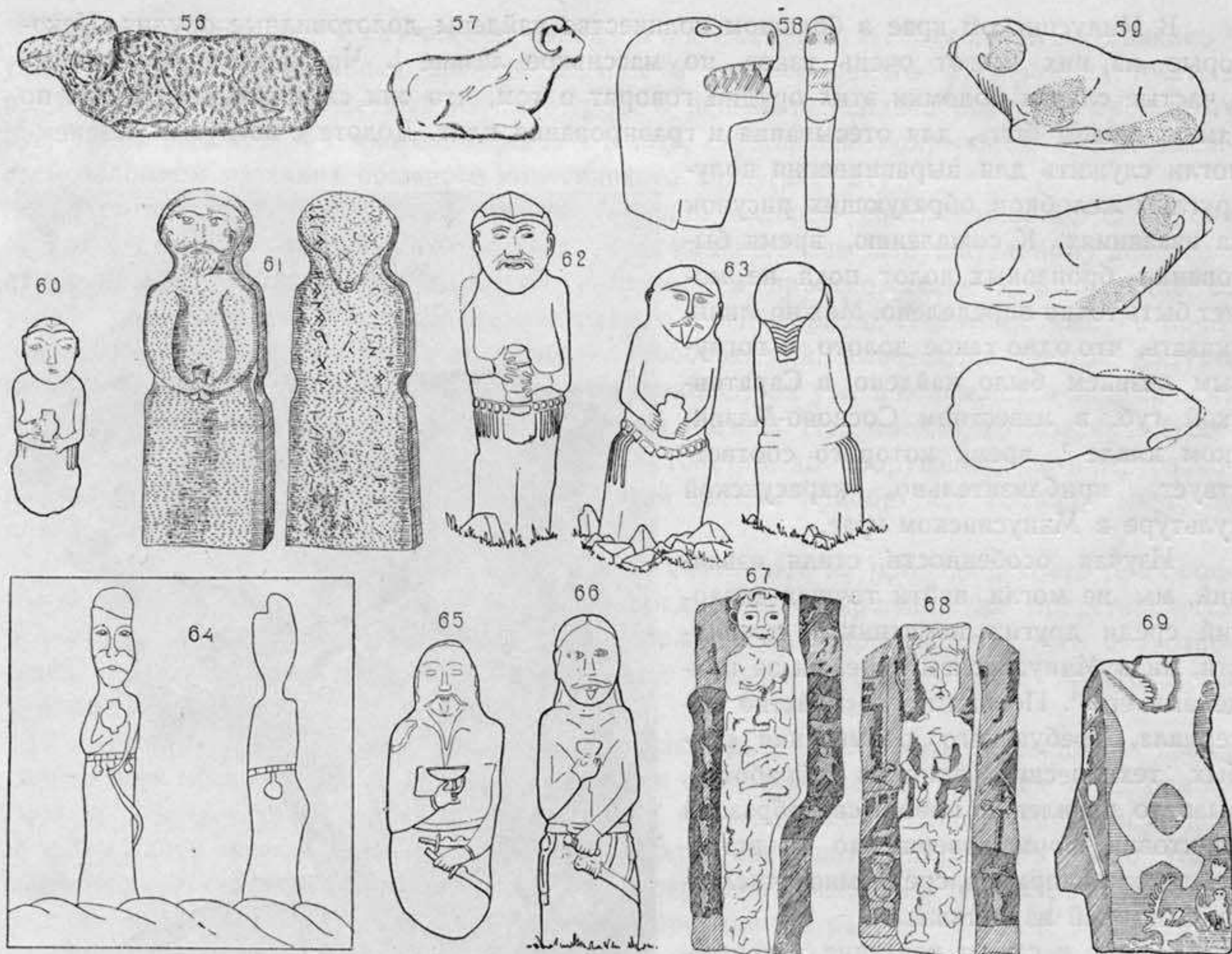
В Минусинском крае в большом количестве найдены долотовидные орудия. Некоторые из них имеют очень узкое, но массивное лезвие 1. [31] Чрезмерная массивность и частые случаи поломки этих орудий говорят о том, что они служили для работы по камню, может быть, для отёсывания и гравирования плит. Долота с вогнутым лезвием 2 [32] могли служить для выравнивания полукруглых желобков, образующих рисунок на изваяниях. К сожалению, время бытования бронзовых долот пока не может быть точно определено. Можно лишь указать, что одно такое долото с вогнутым лезвием было найдено в Саратовской губ. в известном Сосново-Мазинском кладе 3, [33] время которого соответствует, приблизительно, карасукской культуре в Минусинском крае.

Изучая особенности стиля изваяний, мы не могли найти точных аналогий среди других памятников древности, ни в Минусинском крае, ни за пределами его 4. [34]

Повидимому, свойство материала, требующего применения особых технических приемов обработки, вызвало появление новой, своеобразной трактовки форм, совершенно не встречающейся, например, среди многочисленных изделий из металла.

Также и сюжет изваяния (человеческое лицо с символическими знаками) не встречается среди других памятников древностей.

Можно отметить только схематические изображения человеческих лиц на одной из писаниц Минусинского края (ее точное местонахождение неизвестно) совершенно аналогичные изображениям лица на изваяниях (рис. в тексте 9). Черта поперек лица, скобки над этой чертой и вертикальные линии над лбом — это такие характерные особенности, что нет сомнения в однотипности этих изображений с изображениями на изваяниях. То, что изображения лица на писанице выполнены иной техникой (выбивка острым орудием), чем на изваяниях, и что расположены они среди других рисунков, относящихся к сравнительно более позднему времени, заставляет предполагать о другом значении этих изображений и, может быть, о другом времени их начертания. Не будет ничего странного, если окажется, что изображения лиц на писанице сделаны значительно позднее изваяний и являются продуктом деятельности какого-нибудь праздного пастуха, высекавшего на скале на ряду с другими фигурами и изображения лиц, подражая при этом тем формам, какие он видел в степи на изваяниях. Других аналогий мы не находим. Это по всей вероятности объясняется особым назначением изваяния. Монументальность памятника, каноничность изображения и, несомненно, символические знаки (круг с уголками, черта через нос и многие другие) — все это говорит о его культовом значении. Установившееся мнение, считающее их надгробными памятниками, может быть, справедливо по отношению к так называемым «каменным бабам» киргизских и монгольских степей, минусинские же изваяния, описанного типа, относить к надгробным памятникам нет никаких оснований, так как мы уже видели, что ни в одном случае не удастся установить непосредственную связь изваяния с каким-нибудь погребением. Кроме того, они стоят иногда совершенно самостоятельно, вдали от каких-либо могил (например, изваяния рис. 3, 14, 24, 32, 35 и 38). Вероятнее всего они являлись изображением божества. В таком случае понятным становится и изображение головы барана, встречающееся на некоторых изваяниях. В жизни народов бронзовой эпохи баран играл, вероятно, крупнейшую роль, так как в могилах этого времени всегда находятся кости барана. На существование у древних насельников края культа барана указывают кроме того находки каменных изваяний, изображающих целую фигуру этого животного. Однако, не имея хороших воспроизведений с подобных фигур (рис. 56, 57), мы не решаемся утверждать, что они принадлежат к той же эпохе средней бронзы, как те изваяния, которые до сих пор приковывали наше внимание. Рисунок 59 сделан с фигуры барана из красного песчаника, хранящейся в Барнаульском Музее. К сожалению, никаких сведений о происхождении его в Музее не оказалось. Материал памятника, характерный для Минусинского края, заставляет предполагать, что скульптура происходит оттуда же. Возможно, что это один из тех баранов, о которых говорит Радлов, приводя выдержки из дневника Мессершмидта и Миллера (см. пояснение к таблицам).

Т а б л и ц а VII.

Рис. 56. Минусинский край (точное местонахождение неизвестно). С рис. Страленберга (44, табл. XXI), помещенного у Радлова—35, табл. XXI, рис. b, 40, табл. IV и стр. 150. Спасский полагает, что это тот же баран, что и у него.

Рис. 57. Степь по Абакану. Гранит. С рис. Г. Спасского. См. 40, табл. IV и стр. 150; 3, рис. 334.

Рис. 58. (См. также в тексте рис. 10). В 12-ти километрах к сев.-зап. от с. Знаменки, на Зыряновском хребте. Красный песчаник. Хранится в Красноярском Музее. (Рисунок сделан по фот. Г. О. Боровко и по наброску, доставленному В. И. Грозовым).

Рис. 59. Местонахождение неизвестно. Красный песчаник. Хранится в Барнаульском Музее. Возможно, что это и есть баран Спасского.

Изваяния животных известны еще в следующих пунктах:

XI. Недалеко от ул. Чаркова на р. Уйбат. Изваяние барана из песчаника. По случайным сведениям, полученным нами, баран вывезен А. В. Адриановым в Минусинский Музей, но мы его там не видели. См. 2, стр. 419; 22, стр. 76.

XII. Радлов, см. 35, стр. 11 (по рукописи Мессершмидта), сообщает, что в г. Красноярске лежал большой камень, на котором был высечен баран; привезен он неким Салмаровым много лет тому назад с устья р. Тубы. В другом месте (стр. 56) Радлов (по Миллеру) говорит, что баран оказался в Тобольске. Сведений из Тобольска у нас не имеется.

XIII. Радлов, см. 35 стр. 95 (по Миллеру) сообщает, что Мессершмидт увез в Тобольск каменное изображение барана, стоявшее на горе Кизил-Чебага, против устья Абакана. Миллер видел его в Тобольске и зарисовал. Тот ли это баран, что и предыдущий, решить трудно.

XIV. По сведениям, сообщаемым Мартыяновым, см. 22, стр. 75, на правом берегу Енисея, против устья р. Абакана, в 7 верстах от Минусинска, в 27 саж. от берега в Майдашинской долине стояла голова (!?) барана из красного песчаника. Передняя часть головы почти до глаз отломана. Далее он говорит, что изваяние уве-

зено и находится в Минусинском Музее. См. также 2, стр. 419 и табл. IV, рис. 41; 5, стр. 21; 16, стр. 34.

XV. В 12 километрах к сев. от устья р. Аскыза. Грубо высеченный из гранита баран, туловище которого сохранилось хорошо, а голова сильно попорчена. Это изваяние лежит на высокой могиле, но первоначально, очевидно, стояло не здесь. По Радлову. См. 34, стр. 171. См. также 2, стр. 419; 16, стр. 33; 22.

XVI. Степь близ устья р. Ташебы. Статуя быка. По Мартьянову. См. 22 и 12, стр. 419.

XVII. Около ул. Тугужекова на р. Ташебе, валялась в мелком озерке голова лошади с плохо заметной уздой. Крестьянин Семен Усманов обещал доставить голову в Минусинский Музей.

XVIII, XIX. На западном берегу р. Шушь (приток Тубы!), в 5 верстах от устья, находились два каменные изваяния в виде маленьких львов¹. Один из камней увезен в Тобольск. Сведений из Тобольска у нас не имеется. По Радлову, см. 35, стр. 95.

XX, XXI. В Красноярске на рынке валялись каменные изображения барана (см. XII), медведя и барса. Один или два из них впоследствии были расколоты на куски. Привезены с р. Тубы. По Радлову (из дневн. Мессершмидта), 35, стр. 15, 18 и 56.

XXII. Р. Неня. В горе, в искусственно, повидимому, сделанном гроте фигура стоящего на задних лапах медведя. Высечена из красного песчаника. Высота 1 арш. Радлов (по Миллеру и Гмелину), см. 35, стр. 93; см. также 9, том III, стр. 515; 27, стр. 26; 29, стр. 274. Медведь ныне находится в Минусинском Музее, но зарисовать его не удалось.

Рис. 60. (См. также в тексте рис. 11). С. Сеньяино. Гранит. Круглая скульптура, с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. Находится в Минусинском Музее.

Рис. 61. Между рр. Тесью и Ербой, недалеко от дер. Знаменки. Ныне находится в Минусинском Мартьяновском Музее. С рис. Страленберга, приведенного у Радлова 35 табл. XII. См. также: 3, рис. 335; 4, 6 рис. 30 и стр. 78; 14, том I, табл. II, рис. 3 и стр. 150; 15, табл. I, рис. 2; 28, стр. 59; 30, стр. 49; 33, рис. 336; 36, вып. III, табл. XCV; 44, табл. XII и стр. 397; 50, стр. 462.

Рис. 62. Танну-Тувинская республика (Урянхай). Точное местонахождение неизвестно. Круглая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР.

Рис. 63. Танну-Тувинская республика (Урянхай). Джидан, в 10 верстах от ставки б. Кемчикского Нойон-по Минслову в 2-х верстах от фактории Леонова). Круглая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. Разрезы глаз означены врезанной линией. I-ое изображение с фотографии Русского Музея, 2-ое — с фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР. См. также С. Р. Минслов „Памятники древности в Урянхае. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Об-ва, том XXIII, 1916 г., табл. 5, рис. 2.

Рис. 64. Казан-киш-таш (по Фальку). По другим авторам *хозен-кыс, касан-куш-таш, казан-тыш-таш* и т. п. Правый берег Черного Юса, против устья р. Саралы. Красный песчаник. С рис. Ивана Шишкова, приведенного у Радлова—35, рис. на стр. 143, стр. 16, 92, 144. См. также 8, табл. IV, рис. 1 и стр. 349; 9; 16, стр. 34; 34, стр. 171; возможно о ней же 35, стр. 93; 48, стр. 503.

Рис. 65. Семиреченская область. По Бартольд Кагатинское ущелье. Гранит. Округлая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих меч и сосуд. Изваяние доставлено Ф. А. Фиельструпом в Русский Музей. См. В. Бартольд „Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. З. И. Ак. Н. по истор. фил. отд., том I, № 4, 1897 г., табл. VII.

Рис. 66. Заимка Щербакова? По рассказам привезен с долины Черного Иртыша. По фот. Барнаульского Музея.

Рис. 67. Кыс-таш. Близ устья Аскыза (в 1 версте от Улу-Куртуяк, рис. 43). Красный песчаник. Прежде стояло на кургане, но при Палласе он уже лежал на земле. По словам Кострова находится в с. Аскыз, где стоит у церковной ограды и служит коновязью; дети истерли все бывшие на нем изображения. С рис. Г. Спаского 40, табл. I, рис. 5; см. также 3, рис. 342; 8; 16, стр. 33; 20, стр. 78, 79; 23, стр. 357; 24, стр. 501; 25, стр. 70; 28, стр. 60; 29, стр. 228; 41, стр. 23; 48, атлас, табл. II, рис. 20; стр. 503 и 505; 49, стр. 26.

Рис. 68. Кижитас. Близ устья Аскыза (в 1 версте от Улу-Куртуяк, рис. 43). Рядом с предыдущим изваянием. Красный песчаник. При Палласе также уже лежало на земле. По словам Кострова привезено в с. Аскыз, где служит ступенью к крыльцу купца Ананьева, нижний конец отбит на аршин. С рис. Г. Спаского 40, табл. I, рис. 4; 8; 16, стр. 33; см. также 20, стр. 78; 23, стр. 557; 24, стр. 501; 25, стр. 70; 28, стр. 60; 29, стр. 228; 41, стр. 23; 48, атлас, табл. II, рис. 21 и стр. 503 и 505; 49, стр. 26.

Рис. 69. Танну-Тувинская республика (Урянхай). Фигура человека и проч. изображения представляют собой поверхность камня, оставленного нетронутым, тогда как фон вокруг них является плоской выемкой. С фотографии А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР.

¹ На карте нами не отмечены.

В литературе имеются указания, что, кроме баранов, в Минусинских степях встречаются изображения быков, медведей, львов и барсов 1. [36] Вероятно из них в настоящее время сохранились немногие, так как сами авторы указывают, что некоторые памятники, будучи увезены с мест, погибли или затерялись, нам же в своих частых поездках по краю удалось видеть только голову лошади, вероятно, представляющую собой обломок большой статуи. Ни одного рисунка с изваяний животных, кроме головы хищника, хранящейся в Красноярске (рис. 58 или в тексте рис. 10), и уже упоминавшихся изваяний баранов, нам сделать не удалось 2. [37]

Типы изваяний нехарактерные для края.

Приведенный материал не исчерпывает всего богатства Минусинских степей каменными изваяниями. Имеются еще несколько, но характер их совершенно иной.

Прежде всего нужно указать изваяние, известное по рисунку 1739 г. геодезиста Ивана Шишкова (рис. 64). Оно находилось на Чёрном Юсе против устья р. Саралы и у местного населения носило название Хозен Хыс — заяц-девка, что по всей вероятности записано неправильно, так как эта фигура ни в какой степени не напоминает зайца. Другое название Казан Кижитас (или таш), гораздо вернее. Его перевод: «Каменный мужчина с горшком» уже, кажется, дал Попов.

Рис. 11. Изваяние из гранита близ с. Синявино (фот. Минусинского Мартьяновского Музея).

К сожалению, этот интересный памятник погиб и погиб давно, так как никакие расспросы у местного населения не дали указаний о его местонахождении. Пришлось лишь услышать смутные воспоминания о том, что голова была отломана и кем-то увезена, а потом исчезла и остальная часть. Изваяние представляет собой мужчину, держащего в согнутой правой руке сосуд, напоминающий по форме серебряные сосуды, найденные в Минусинском крае 1, [38] а левая рука придерживает кривую саблю или меч. На поясе, украшенном поперечными полосками, подвешены три предмета неизвестного назначения, повидимому, сумочки. Изображение земли какими-то странными волнами, напоминающее старинный лубок, изображение сабли, как бы выходящей из плоскости камня, всё говорит о малой опытности автора в рисовании, да и сам он признаётся в донесении Татищеву: «Хотя ж оные рисунки будут не весьма исправны, покорнейше прошу не прогневаться, ибо в живописи искусства не имею». Благодаря этому невозможно сделать никакого заключения относительно техники изваяния. Всё же его общий тип ясен.

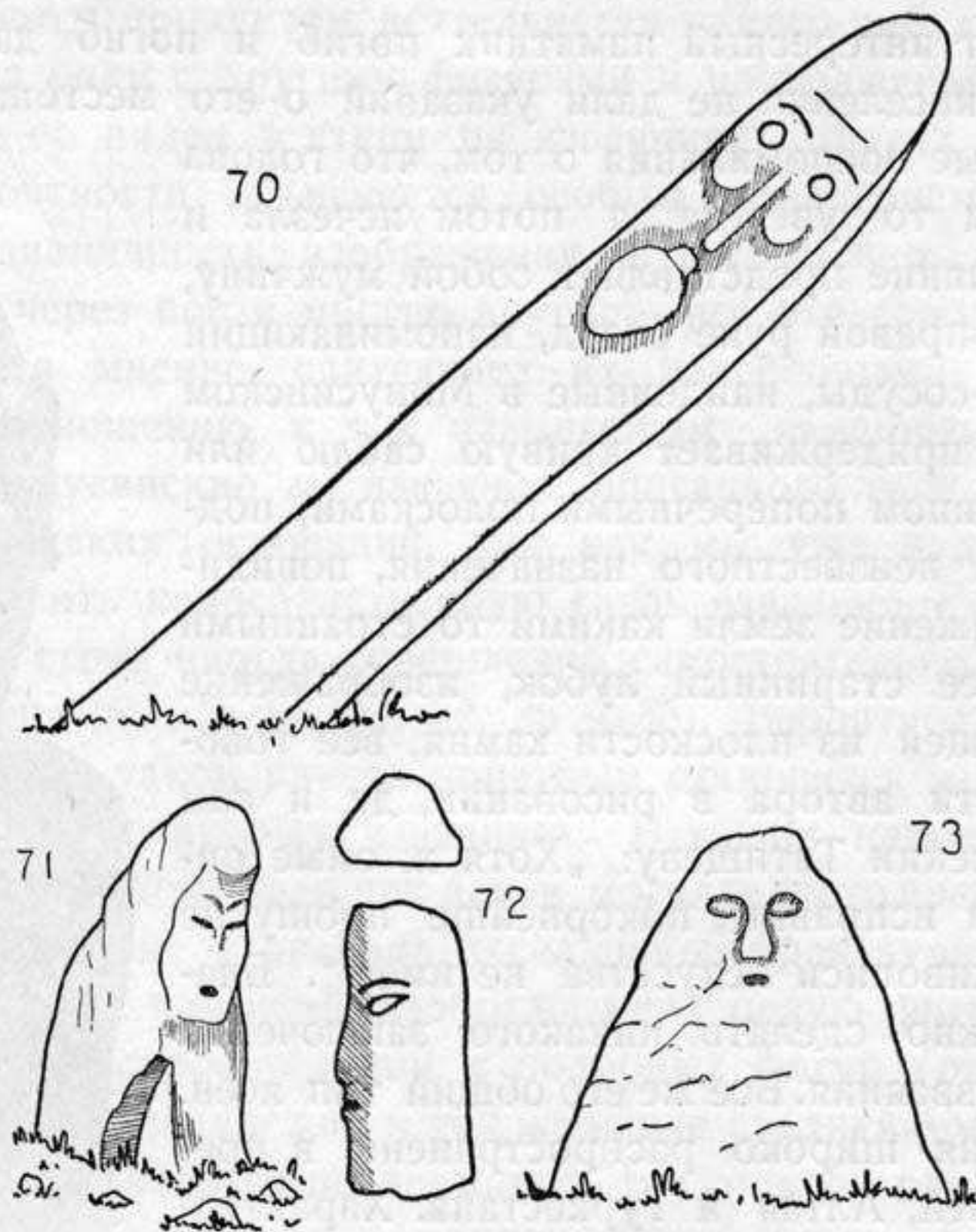
Подобные изваяния широко распространены в пределах Киргизских степей, Алтая и Туркестана. Характерными представителями их являются изваяния, изображённые на рис. 65 и 66. Памятник 65 по технике исполнения является одной из лучших вещей этого рода. Все детали чётко, аккуратно и очень правильно изваяны низким округлым рельефом, только правая рука сохраняет ещё плоскостный характер. Конечно, о какой-либо портретности лица этого типа говорить не приходится. Типичная поза и детали являются каноном изображения человека какого-то (вероятнее всего турецкого) племени.

Помимо рис. Шишкова имеется ещё указание у Радлова о другой подобной статуе, находившейся на р. Туиме (Минусинский край). Эта статуя была увезена в Красноярск, и голова по дороге отломилась. Где оно теперь — неизвестно.

Единичность находок изваяний подобного рода в Минусинском крае 2 [39] и их обилие в западных областях говорят о том, что Минусинский край был лишь периферией распространения этого типа.

Синявинское изваяние (рис. 60 или в тексте рис. 11), представляющее также округлую скульптуру, носит уже другой иконографический характер. Меч отсутствует, а сосуд находится в обеих руках, сложенных на груди.

Таков же Тесь-Ербинский «богатырь-камень», но исполнение его гораздо примитивнее (рис. 61). Это плоская плита, отёсанная в форме человеческой фигуры, на одной стороне которой высечены древне-турецкие письмена, на другой — лёгким рельефом (судя по рисунку, приведённому у Радлова) мужское лицо с усами и руки, держащие сосуд.

Т а б л и ц а VIII.

Рис. 70. Камень-старик. Верхне-Биджинская степь, близ ул. Салбых. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 71. Ул. Асачаков на р. Абакан. Лицо слегка моделировано. К сожалению, детали на фотографии вышли плохо. С фот. И. П. Кузнецова, хранящейся в Томском Университете.

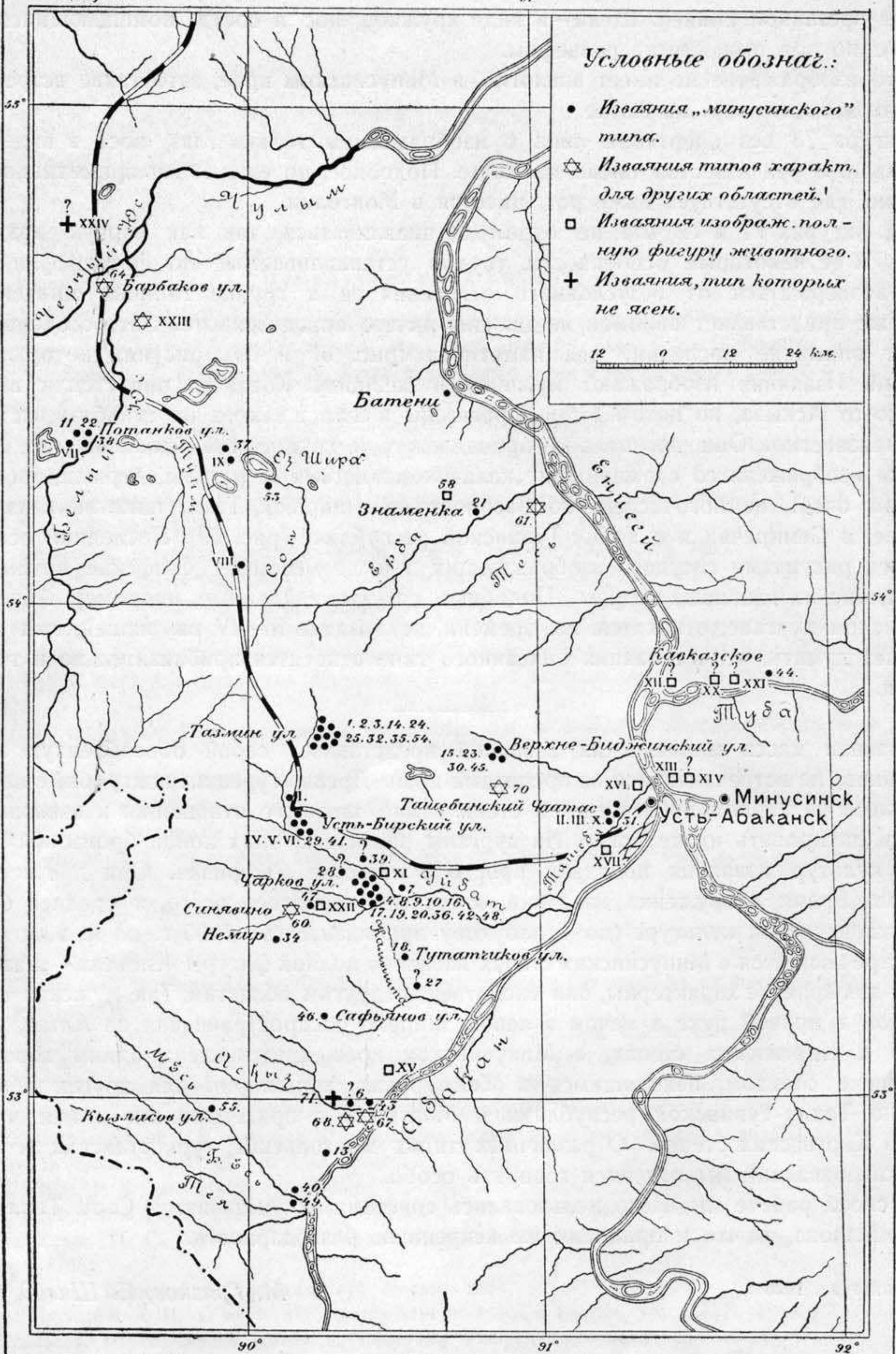
Рис. 72. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Красный песчаник. Обломок камня с изображением черт слабо моделированного лица. Штрихами показана поверхность, подвергшаяся обработке. Находится в Минусинском Музее.

Рис. 73. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Глаза слегка округлы, лежат в углублении. Нос представляет собой нетронутую поверхность, вокруг которой сделана плоская выемка, к щекам сходящая на нет. Рот — обычная продолговатая ямка. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Университете.

XXIII. „Узун“ (2 арш. 4 в). В 3-х верстах от ул. Барбакова на р. Черный Юс. Представлял фигуру женщины с одной рукой. Разбит пополам. 26, стр. 205. Костров (см. 20, стр. 82), упоминая об этом памятнике, говорит, что на нем были изображены голова, глаза, нос, рот и одна рука. См. также 28, стр. 58.

XXIV. В 4-х часах пути к югу от Божьего озера (Тигир-коль). Бурый камень четырехугольной формы, имеющий некоторое сходство с человеческой фигурой. По Радлову (из дневника Мессершмидта) 35, стр. 12 и 15; 34, стр. 171.

В литературе имеется еще около 15-ти указаний о местонахождении каменных изваяний в Минусинском крае. Однако, благодаря краткости описания или неточности указания места, не представляется возможным решить, идет ли речь о каких то новых, неизвестных нам, памятниках или о некоторых из тех, которые уже указаны в списке, последнее, повидимому, более правильно. См. 9, том III, стр. 284; 16, стр. 33; 17, стр. 27; 20, стр. 80 и 82; 21, табл. XV, рис. 2. 26, стр. 205; 28, стр. 59, 62; 31, стр. 575 — 6; 35, стр. 17, 93 и 144, 37, том III, стр. 507 — 8.

Карта распространения каменных изваяний в Минусинском крае.

Если оба приведённых изваяния в таких же разновидностях в большом количестве известны в Танну-Тувинской республике (Урянхай) (рис. 62 и 63), Монголии, Киргизских степях, Семиречьи и Алтае, то для Минусинского края они являются единственными.

Салбыкский «камень-старик» (рис. 70) имеет вид длинного прямоугольного в сечении бруса, на верхнем конце которого изображено лицо. Глаза, брови и черта над ними сделаны врезанной линией. Щеки — в виде кружков, нос и сосуд, помещающийся непосредственно под ним, слегка рельефны.

Это изображение не имеет аналогий в Минусинском крае, зато такие встречаются в других местах, напр. на Алтае.

Фигура 73 без очертаний лица с изображением только глаз, носа в виде петли и небольшого рта известна также на Алтае. Подобное, но ещё более примитивное, изображение, где отсутствует даже рот, имеется в Монголии.

На фигурах 71 и 72 мы не будем останавливаться, так как первую видеть не удалось, а её некоторые особенности, трудно устанавливаемые по фотографии, заставляют воздержаться от безусловного отнесения её к группе типично минусинских; вторая же представляет обломок, не дающий ничего определённого. Зато особенно привлекают внимание последние два памятника (рис. 67 и 68), рисунки которых даёт Спасский. Изваяния изображают мужчину и женщину. Когда-то они стояли в степи, недалеко от Аскыза, но потом были перевезены в село, и какова их судьба в настоящее время неизвестно. Они несомненно принадлежат к группе тех изваяний, где фигура человека изображена со сложенными «калачиком» ногами и руками, держащими сосуд. Этот тип очень немногочислен, но распространён широко. Такие памятники известны на Алтае, в Семиречьи и в Танну-Тувинской республике (рис. 69). Последний особенно интересен рисунками сосудов, изображающих так называемые «скифские котлы» или копирующие их глиняные сосуды. Подобные сосуды, найденные, например, Аспелином в Тесинском кургане, относятся ко времени не позднее III-IV вв. нашей эры 1. [40] Это позволяет думать, что и изваяния описанного типа относятся приблизительно к тому же времени.

Главная масса минусинских изваяний представляет собой обособленную группу памятников, не встречающихся за пределами края. Древне-турецкие надгробные надписи, делавшиеся на первом попавшемся в степи камне, никакого отношения к изваяниям не имеют и датировать их не могут. На курганы различных эпох конца бронзовой и железной культур изваяния попадали просто в качестве материала. Они древнее этих курганов. Время сооружения изваяний относится, вероятнее всего, к средней бронзе, т.е. к карасукской культуре (по Теплоухову приблизительно 1000 г. до н.э.).

Встречающиеся в Минусинских степях изваяния полной фигуры человека — «каменные бабы» — для края не характерны, они свойственны другим областям. Так, мужская фигура с сосудом в правой руке и мечом в левой, широко распространённая на Алтае, в Туркестане и Киргизских степях, в Минусинском крае представлена одним изваянием. Изваяния с сосудом, находящимся в обеих руках, характерны для других областей, а именно Танну-Тувинской республики и Монголии с прилегающими к ней частями Алтая и Киргизских степей. О различных типах монгольских, туркестанских и южносибирских изваяний мы надеемся говорить особо.

В своей работе мы часто пользовались советами и указаниями С.А. Теплоухова и С.Е. Малова, за что и приносим им искреннюю благодарность.

Ленинград, 1926 г. М. Грязнов, Е. Шнейдер.